

Annotation

«Размышления» — это личные записи римского императора Марка Аврелия Антонина, сделанные им в 70-е гг. II в. н. э. Они отражают упорное стремление Марка Аврелия руководствоваться в своём мироощущении стоическим учением.

Благодаря исключительному положению Марка Аврелия и его развившемуся литературному дарованию этот документ, позволяющий (редчайший случай в истории античной литературы!) наблюдать не столько даже личную жизнь, сколько напряжённую личную работу над освоением достижений многовековой стоической традиции, стал впоследствии одним из наиболее читаемых памятников мировой литературы.

-
- [Марк Аврелий Антонин](#)
    - [Предисловие к первому изданию](#)
    - [Предисловие ко второму изданию](#)
      -
    - [Первая книга](#)
      -
    - [Вторая книга](#)
    - [Третья книга](#)
    - [Четвёртая книга](#)
    - [Пятая книга](#)
    - [Шестая книга](#)
    - [Седьмая книга](#)
    - [Восьмая книга](#)
    - [Девятая книга](#)
    - [Десятая книга](#)
    - [Одиннадцатая книга](#)
    - [Двенадцатая книга](#)
-

Марк Аврелий Антонин
Размышления

Предисловие к первому изданию

«Размышления» — это личные записи римского императора Марка Аврелия Антонина, сделанные им в 70-е гг. II в. н. э. Они отражают упорное стремление Марка Аврелия руководствоваться в своём мироощущении стоическим учением. Благодаря исключительному положению Марка Аврелия и его развившемуся литературному дарованию этот документ, позволяющий (редчайший случай в истории античной литературы!) наблюдать не столько даже личную жизнь, сколько напряжённую личную работу над освоением достижений многовековой стоической традиции, стал впоследствии одним из наиболее читаемых памятников мировой литературы. Книги имеют свою судьбу — эта книга, можно сказать, создана судьбой.

В настоящем издании читателю предлагается новый перевод «Размышлений» Марка Аврелия, выполненный А. К. Гавриловым. При ознакомлении с переводом рекомендуется постоянное обращение к экзегетическому комментарию Яана Унта, поясняющему содержание текста, особенно в смысле истории идей; такое обращение тем более настоятельно, что текст насыщен специальной стоической терминологией, которая в тексте Марка Аврелия (а следовательно, и в переводе) не растолковывается, зато может быть отлично разъяснена благодаря изобилию фрагментов Древней Стои, текстам Эпиктета и др. В этой же связи читателю, приступающему к чтению памятника, полезно предварительно ознакомиться с указателем важнейших понятий и терминов, выявляющим те характерные слова и словоупотребления, которые особенно остро нуждались в комментарии.

Текстологические примечания, составленные переводчиком, дают отчет в том, какой именно текст воспроизведен в переводе и разъясняется в комментарии. Приняв их во внимание, заинтересованный читатель может увереннее предпринять сопоставление предлагаемого перевода с другими — русскими или иностранными — переводами, что вполне естественно для этого памятника, текстология и самый жанр которого создает множество трудностей.

Арабские цифры в тексте «Размышлений» указывают на экзегетический комментарий, звездочки — на текстологические примечания. Отыскивается как то, так и другое по номеру книги и записи в традиционной нумерации.

Статья А. И. Доватура «Римский император Марк Аврелий Антонин» характеризует эпоху, биографические обстоятельства и государственную деятельность римского императора (генеалогическая таблица и хронологический указатель полезны для быстрого обзора этого материала). В статье Яана Унта «„Размышления“ Марка Аврелия как литературный и философский памятник» анализируется состав, происхождение и назначение памятника; там же дан очерк основных понятий стоической философии, знакомство с которыми необходимо для адекватного восприятия текста. Той же цели служат указатели имен и цитат и упомянутый уже Указатель важнейших терминов, встречающихся в тексте Марка Аврелия. Все указатели настоящего издания составлены Яаном Унтом.

Записи Марка Аврелия неоднократно — полностью и частично — переводились на русский язык. Истории этих переводов и обзору перипетий русской рецепции памятника посвящена статья А. Гаврилова «Марк Аврелий в России»; там же выясняются принципы, положенные в основу нового перевода.

Статья «Римский император Марк Аврелий Антонин», помещенная в настоящем томе, оказалась одной из последних работ А. И. Доватура (1897–1982), который наряду с университетским преподаванием и исследовательской деятельностью более 50 лет занимался переводами с древних языков: переводил сам, правил переводы других, организовывал коллективные работы. К редактированию настоящего тома Аристид Иванович отнесся любовно и строго: личность Марка Аврелия, по всей видимости, выдержала испытание его дисциплинированного и критичного ума. Общая с учителем работа теперь становится для младших участников не только драгоценным воспоминанием, но и залогом единства в отношении к филологическому труду.

Редакция приносит благодарность рецензентам М. Е. Сергеенко и М. Л. Гаспарову, которые сообщили участникам ряд полезных замечаний, а также Л. В. Андреевой (Эрмитаж), давшей ряд советов при подборе иллюстраций. Неизмеримо многим в смысле техники

комменти́рования и основны́х филологическис́х приемо́в настоя́щая кни́га обяза́на университе́тскому преподава́нию Я. М. Боровско́го и А. И. Зайцева́.

Предисловие ко второму изданию

Со времени выхода в свет первого издания этой книги коллеги и читатели высказали — письменно, устно, печатно, — множество критических замечаний, поучительных даже тогда, когда воспользоваться ими при переиздании было трудно. Том в целом был с доброжелательно-критичной взыскательностью прочитан Я. М. Боровским, сообщившим целый ряд наблюдений и советов. Накопились и собственные наблюдения, тем более что переводчик работает над двуязычным изданием «Размышлений», где перевод естественно было по возможности ещё больше приблизить к подлиннику, а текстологические замечания излагать гораздо подробнее, чем в приложении к «Литературным памятникам».

В настоящем издании предприняты в соответствии с этим некоторые изменения. Текст перевода был сверен и поправлен во многих местах; принципы перевода оставлены прежними — не потому, что они безусловны, а потому, что переводчику, если он много лет работает над текстом, просто ничего не остается лучше, как держаться сложившегося у него подхода к памятнику. Текстологические примечания иногда поправлены там, где переводчик решительно переменил своё мнение. Наибольшее число поправок, изменений, дополнений приходится на статью «Марк Аврелий в России». Указатели уточнены. Статья А. И. Доватура оставлена без изменений.

А. Гаврилов Петербург, июнь 1992 г.

Первая книга

1. От деда моего Вера — добронравие и негневливость.
2. От славной памяти, оставленной по себе родителем, скромное, мужеское.
3. От матери благочестие и щедрость, воздержание не только от дурного дела, но и от помысла такого. И ещё — неприхотливость её стола, совсем не как у богачей.
4. От прадеда — что не пошел я в общие школы, а учился дома у хороших учителей и понял, что на такие вещи надо тратиться не жалея.
5. От воспитателя, что не стал ни зеленым, ни синим, ни пармуларием, ни скутарием; ещё выносливость и неприхотливость, и чтобы самому делать своё, и не вдаваться в чужое; и невосприимчивость к наговорам.
6. От Диогнета несуетность; неверие в рассказы колдунов и кудесников об их заклинаниях, изгнаниях духов и прочее; и что перепелов не стал держать и волноваться о таких вещах; что научился сносить свободное слово и расположился к философии и слушал сперва Бакхия, потом Тандасида и Маркиана; что ещё мальчиком сочинял диалоги и пристрастился спать на шкурах и ко всему, что прививают эллины.
7. От Рустика я взял представление, что необходимо исправлять и подлечивать свой нрав; не свернул в увлечение софистической изощренностью, не стал писать умозрительных сочинений, выдумывать учительные беседы или ещё, вообразив невесть что, выступать самоистязателем да благодетелем; и что отошел от риторики, поэзии, словесной изысканности; что не расхаживал дома пышно одетый или что-нибудь ещё в таком роде; и что письма я стал писать простые, наподобие того, как он писал моей матери из Синуессы; и ещё что в отношении тех, кто раздосадован на нас и дурно поступает, нужен склад отзывчивый и сговорчивый, как только они сами захотят вернуться к прежнему; и читать тщательно, не довольствуясь мыслями вообще; и не спешить соглашаться с тем, кто вообще что-либо тебе говорит; и что встретился я с эпиктетовыми записями, которыми он со мной поделился.

8. От Аполлония независимость и спокойствие перед игрой случая; чтобы и на миг не глядеть ни на что, кроме разума, и всегда быть одинаковым — при острой боли или потеряв ребёнка, или в долгой болезни; на живом примере я увидел явственно, что может один человек быть и очень напористым, и расслабившимся; и как, объясняя, не раздражаться; и воочию увидел я человека, который считал опыт и ловкость в передаче умозрительных положений наименьшим из своих достоинств; у него я научился принимать от друзей то, что считается услугой, не теряя при этом достоинства, но и не бесчувственно.

9. От Секста благожелательность; образец дома с главою-отцом; мысль о том, чтобы жить сообразно природе; строгость без притворства; заботливая предупредительность в отношении друзей; терпимость к обывателям и к тем, кто мыслит несозерцательно; умение ко всем приладиться, так что обращение его было обаятельнее всякой лестии и в то же время внушало тем же самым людям глубочайшее почтение; а ещё постигающее и правильное отыскание и упорядочение основоположений, необходимых для жизни; и что никогда он не подавал малейшего признака гнева или другой какой страсти, но был одновременно предельно нестрасен и вместе предельно приветлив; похвалы — и те у него были без шума, и многознания напоказ не выставлял.

10. От Александра-грамматика неосуждение — то, что он не начинал бранить тех, кто выговаривал что-нибудь, как варвары, или не по-столичному или неблагозвучно, а только изловчался произнести как следует, в виде ответа, подтверждения или встречного рассмотрения не слова уже, а дела, или с помощью другого какого-нибудь ловкого упоминания.

11. От Фронтоня, что я разглядел, какова тиранская алчность, каковы их изошренность и притворство, и как вообще неприветливы эти наши так называемые патриции.

12. От Александра-платоника: не говорить никому часто и без нужды и в письмах не писать, что я-де занят, и не извинять себя вечно таким способом, когда в отношении тех, с кем ты живешь, не делаешь надлежащего, ссылаясь на обступившие тебя дела.

13. От Катюла — не пренебрегать ни одним дружеским упреком, даже если неразумно упрекают, но пытаться ещё и восстановить

прежнее; также учителей восхвалять с восторгом, как вспоминают о Домиции и Афинодоте; и к детям привязанность подлинная.

14. От брата моего Севера любовь к ближним, истине, справедливости; и что благодаря ему я узнал о Тразее, Гельвидии, Катоне, Дионе, Бруте и возымел представление о государстве, с законом, равным для всех, где признаются равенство и равное право на речь; также о единой державии, которое всего более почитает свободу подданных. А ещё от него ненатужное и ровное напряжение в почитании философии; благие дела и великая щедрость, добрые надежды и вера в дружбу друзей; и нескрытность перед теми, кого случалось ему осуждать; и что его друзьям не приходилось гадать, чего он хочет или не хочет, а было это всегда ясно.

15. От Максима владение собой, никакой неустойчивости и бодрость духа, как в прочих испытаниях, так и в болезни; размеренность нрава, любезность, достопочтенность; как он без сокрушения выполнял поставленные перед собой задачи; и как все ему верили, что он как говорит, так и думает, а что делает, то беспорочно делает. Никогда не изумлен, не потрясен, нигде не торопится и не медлит, не растерянный и не унылый, без готовой улыбки или, наоборот, без гнева и подозрений; благодетельствующий и прощающий, и нелживый; от него представление, что невывернутый лучше, чем вправленный; и ещё, никогда не казалось, что он свысока смотрит на кого-нибудь, но никто не осмелился бы признать себя лучше его; и какая обходительность.

16. От отца нестропность, неколебимое пребывание в том, что было обдуманно и решено; нетщеславие в отношении так называемых почестей; трудолюбие и выносливость; выслушивание тех, кто может предложить что-либо на общую пользу, и неуклонность при воздаянии каждому по его достоинству, умение, когда нужно, напрячься или расслабиться; как он положил предел тому, что связано с любовью к мальчикам; всепонимание и разрешение друзьям даже трапезу с ним не делить, не только что не выезжать с ним в дальний путь — всегда оставался прежним с теми, кто был чем-нибудь задержан. Во время совещаний расследование тщательное и притом до конца, без спешки закончить дело, довольствуясь теми представлениями, что под рукой; дружил бережно — без безумства и без пресыщения; самодостаточность во всем, веселость лица; предвидение издали и

обдумывание наперед даже мелочей, притом без театральности; и как ограничил возгласы и всяческую лесть; всегда он на страже того, что необходимо для державы; и при общественных затратах, словно казначей, бережлив; и решимость перед обвинениями во всех таких вещах; а ещё то, что и к богам без суеверия, и к народу без желания как-нибудь угодить, слиться с толпою: нет, трезвость во всем, устойчивость, и без этого невежества, без новшеств. Тем, что делает жизнь более благоустроенной, если по случаю что-нибудь такое было в избытке, пользовался, без ослепления, как и без оправданий, так что покуда есть — брал непринужденно, а нет — не нуждался. И то, что никто о нем не мог сказать, будто он софист, что доморощенный, что ученый, нет — муж зрелый, совершенный, чуждый лести, способный постоять и за своё, и за чужое. Кроме того, уважая подлинно философствующих, прочих не бранил, но уж и не поддавался им; а ещё его общительность и любезность без пресыщения; и забота о своём теле с умеренностью — не из жизнелюбия или для того, чтобы красоваться, но и без небрежения, а с тем, чтобы благодаря собственной заботе как можно меньше нуждаться во врачебной, в лекарствах или наружных припарках. А особенно то, что он был независтлив и уступчив к тем, кто в каком-нибудь деле набрал силу — в слоге, скажем, или в законах осведомлен, нравах, ещё в чем-нибудь — таким он ревностно содействовал, чтобы каждый был прославлен тем, в чем превосходит других. Делая все по заветам отцов, он даже и то не выставлял напоказ, что вот по заветам отцов поступает. А ещё то, что не перекидывался, не метался, а держался одних и тех же мест и тех же дел. А ещё, что после острых приступов головной боли он, снова молодой и цветущий, был при обычных занятиях, и что не много было у него тайн, а совсем мало и редко, притом всегда в связи с государственными делами; при устройении зрелищ и сооружении построек, при раздачах и тому подобном внимательность и размеренность человека, вперившего взгляд в самое то, что должно быть сделано, без мысли о славе, которая от этого произойдет. Не из тех, кто купается не вовремя, вечно украшает дом или выдумывает какие-нибудь блюда, ткани, расцветку одежды, печется, чтобы люди его были все как на подбор. Одежда, в которой он из Лория возвращался в город, и многое, что случалось в Ланувии; как он обошелся в Тускуле с извиняющимся откупщиком, и прочее в этом

духе. Ничего резкого, не говорю уж беззастенчивого или буйного; никогда он не был что называется «весь в поту» — нет, все обдуманно, по порядку и будто на досуге, невозмутимо, стройно, сильно, внутренне согласно. К нему подойдет, пожалуй, то, что рассказывают о Сократе, который мог равно воздерживаться или вкусить там, где многие и в воздержании бессильны, и в наслаждении безудержны. А вот иметь силу на это, да ещё терпеть и хранить трезвость как в том, так и в другом — это свойство человека со сдержанной и неодолимой душой, какую он явил во время болезни Максима.

17. От богов! получил я хороших дедов, хороших родителей, хорошую сестру, хороших учителей, домашних, родных, друзей — все почти. И что никому из них я по опрометчивости не сделал чего дурного — это при душевном складе, от которого мог я при случае что-нибудь такое сделать, — благодеяние богов, что не вышло стечения обстоятельств, которое меня бы изобличило. И то, что я не воспитывался дольше у наложницы деда, и что сберег юность свою, и не стал мужчиной до поры, но ещё и прихватил этого времени. Что оказался в подчинении у принцепса и отца, отнявшего у меня всякое самоослепление и приведшего к мысли, что можно, живя во дворце, не нуждаться в телохранителях, в одеждах расшитых, в факелах и всех этих изваяниях и прочем таком треске; что можно выглядеть почти так же, как обыватели, не обнаруживая при этом приниженности или же легкомыслия в государственных делах, требующих властности. Что брат у меня был такой, который своим нравом мог побудить меня позаботиться о самом себе, а вместе радовал меня уважением и теплотой; что дети рождались здоровые и не уродливые телом. И что не пробился я далеко в риторических, пиитических и прочих занятиях, на которых я, пожалуй, и задержался бы, если бы почувствовал, что легко продвигаюсь на этом пути. Что успел я моих воспитателей окружить тем почетом, о каком, казалось мне, каждый мечтал, а не откладывал, полагаясь на то, что они ещё не стары и что попозже сделаю это. Что узнал Аполлония, Рустика, Максима. Что явственно и нередко являлось мне представление о жизни в согласии с природой, так что, поскольку это от богов зависит и даяний оттуда, от их поддержки или подсказки, ничто мне не мешало уже по природе жить, и если меня не хватает на это, так виной этому я сам и то, что не берег божественные знаменья и чуть ли не наставления. Что тело моё

столько времени выдерживало такую жизнь. Что не тронул ни Бенедикты, ни Феодота, да и потом выздоравливал от любовной страсти. Что досадуя часто на Рустика, я не сделал ничего лишнего, в чем потом раскаивался бы. Что мать, которой предстояло умереть молодой, со мною прожила последние свои годы. Что всякий раз, когда я хотел поддержать бедствующего или нуждающегося в чем-нибудь, никогда я не слышал, что у меня нет средств для этого; и что самому мне не выпадала надобность у другого что-нибудь брать. И что жена моя — сама податливость, и сколько приветливости, неприхотливости. Что у детей довольно было хороших воспитателей. Что в свидениях дарована мне была помощь, не в последнюю очередь против кровохарканья и головокружений, и как это поможет в Кайте. И что, возмечтав о философии, не попал я на софиста какого-нибудь и не засел с какими-нибудь сочинителями да за разбор силлогизмов; и не занялся вземными явлениями. Ибо все это «в богах имеет нужду и в судьбе».

Вторая книга

Писано в области квадов близ Грана.

1. С утра говорить себе наперед: встречу с суетным, с неблагоприятным, дерзким, с хитрецом, с алчным, необщественным. Все это произошло с ними по неведению добра и зла. А я усмотрел в природе добра, что оно прекрасно, а в природе зла, что оно постыдно, а ещё в природе погрешающего, что он родствен мне — не по крови и семени, а причастностью к разуму и божественному наделу. И что ни от кого из них не могу я потерпеть вреда — ведь в постыдное никто меня не ввергает, а на родственного не могу же я сердиться или держаться в стороне от него, раз мы родились для общего дела, как ноги и руки, как ресницы, как верхний ряд зубов и ряд нижний. Так вот: противодействовать другому противно природе, а негодовать и отвращаться — это противодействие.

2. Что бы я ни был такое — все это плоть, дыханье и ведущее. Брось книги, не дергайся — не дано. Нет, как если б ты уже умирал, пренебреги плотью; она грязь, кости, кровянистая ткань, сплетение жил, вен, протоков. Посмотри и на дыханье: что оно такое? дуновение, да и не постоянное, а то изрыгаемое, то заглатываемое вновь. Ну а третье — ведущее. Так сообрази вот что: ты уже стар; не позволяй ему и дальше рабствовать и дальше дергаться в необщественных устремлениях, а перед судьбой и дальше томиться настоящим или погружаться в грядущее.

3. Что от богов, полно промысла; что от случая — тоже не против природы или увязано и сплетено с тем, чем управляет промысл. Все течет — оттуда; и тут же неизбежность и польза того мирового целого, которого ты часть. А всякой части природы хорошо то, что приносит природа целого и что ту сохраняет. Сохраняют же мир превращения, будь то первостихий или же их соединений. Прими это за основоположения, и довольно с тебя. А жажду книжную брось и умри не ропща, а кротко, подлинно и сердечно благодарный богам.

4. Помни, с каких пор ты откладываешь это и сколько уже раз, получив от богов отсрочку, ты не воспользовался ею. А пора уж тебе понять, какого мира ты часть и какого мироправителя истечение, и очерчен у тебя предел времени; потратишь его, чтобы так и не

просветлиться душой — оно уйдет, ты уйдешь, и уж не придется больше.

5. С мужеской, с римской твердостью помышляй всякий час, чтобы делать то, что в руках у тебя, с надежной и ненарочитой значительностью, приветливо, благородно, справедливо, доставив себе досуг от всех прочих представлений. А доставишь, если станешь делать всякое дело будто последнее в жизни, удалившись от всего случайного и не отвращаясь под влиянием страсти от решающего разума, вдали от притворства, себялюбия, неприятия сопутствующих решений судьбы. Видишь, сколь немногим овладев, можно повести благотекущую и богоподобную жизнь — ведь и боги ничего больше не потребуют от того, кто это соблюдает.

6. Глумись, глумись над собой, душа, только знай, у тебя уж не будет случая почтить себя, потому что у каждого жизнь — и все. Та, что у тебя, — почти уже пройдена, а ты не совестилась перед собою и в душе других отыскивала благу свою участь.

7. Дергает тебя что-нибудь вторгающееся извне? — Ну так дай себе досуг на то, чтобы узнать вновь что-нибудь хорошее, брось юлой вертеться. Правда же, остерегаться надо и другого оборота: ведь глупец и тот, кто деянием заполнил жизнь до изнеможения, а цели-то, куда направить все устремление, да разом и представление, не имеет.

8. Не скоро заметишь злосчастливого от невнимания к тому, что происходит в душе другого; а те, кто не осознает движений собственной души, на злосчастье обречены.

9. О том всегда помнить, какова природа целого и какова моя, и как эта относится к той, и какой частью какого целого является, а ещё что никого нет, кто воспрещал бы и делать, и говорить всегда сообразно природе, частью которой являешься.

10. Сравнивая погрешения, Феофраст хоть и делает это сравнение по-обыденному, однако по-философски утверждает, что проступки, допущенные из вожделения, тяжелее тех, что от гнева. Разве не явственно, что разгневанный отвращается от разума с некой печалью, втайне сжимаясь; тот же, кто погрешает из вожделения, сдавшись наслаждению, представляется как бы более распущенным и вместе расслабленным в своих погрешениях. Так что правильно и достойно философии он утверждал, что погрешения, совершенные в наслаждениях, заслуживают более тяжкого обвинения, чем когда с

печалью. И вообще, один похож скорее на потерпевшего обиду и понуждаемого к гневу печалью; другой же прямо с места устремляется к несправедливости, вожделием увлекаемый к деянию.

11. Поступать во всем, говорить и думать, как человек, готовый уже уйти из жизни. Уйти от людей не страшно, если есть боги, потому что во зло они тебя не ввергнут. Если же их нет или у них заботы нет о человеческих делах, то что мне и жить в мире, где нет божества, где промысла нет? Но они есть, они заботятся о человеческих делах и так все положили, чтобы всецело зависело от человека, попадет ли он в настоящую-то беду, а если есть и другие ещё беды, так они предусмотрели и то, чтобы в каждом случае была возможность не попадать в них. А что не делает человека хуже, может ли делать хуже жизнь человека? Что ж, по неведению ли, или зная, да не умея оберечься наперед или исправиться после, допустила бы это природа целого? Неужто по немощи или нерасторопности она так промахнулась, что добро и худо случаются равно и вперемешку как с хорошими людьми, так и с дурными? Ну а смерть и рождение, слава, безвестность, боль, наслаждение, богатство и бедность — все это случается равно с людьми хорошими и дурными, не являясь ни прекрасным, ни постыдным. А следовательно, не добро это и не зло.

12. Как быстро все исчезает, из мира — само телесное, из вечности — память о нем; и каково все чувственное, в особенности то, что приманивает наслаждением или пугает болью, о чем в ослеплении кричит толпа. Как это убого и презренно, смутно и тленно, мертво! Разумной силе — усмотреть, что такое они, чьи признания и голоса (несут) славу? И что такое умереть? и как, если рассмотреть это само по себе и разбить делением мысли то, что сопредставляемо с нею, разум не признает в смерти ничего кроме дела природы. Если же кто боится дела природы, он — ребёнок. А тут не только дело природы, но ещё и полезное ей. Как прикасается человек к богу и какой своей частью, и в каком тогда состоянии эта доля человека.

13. Нет ничего более жалкого, чем тот, кто все обойдет по кругу, кто обыщет, по слову поэта «все под землю» и обследует с пристрастием души ближних, не понимая, что довольно ему быть при внутреннем своём гении и ему служить искренно. А служить — значит блюсти его чистым от страстей, от произвола, от негодования на что-либо, исходящее от богов или людей. Ибо то, что от богов, своим

превосходством вселяет трепет, а что от людей — по-родственному мило. Ведь иной раз и жалко их за неведение того, что добро и что зло. Ибо этот недуг ничуть не лучше того, из-за которого лишаются способности различать черное и белое.

14. Да живи ты хоть три тысячи лет, хоть тридцать тысяч, только помни, что человек никакой другой жизни не теряет, кроме той, которой жив; и живет лишь той, которую теряет. Вот и выходит одно на одно длиннейшее и кратчайшее. Ведь настоящее у всех равно, хотя и не равно то, что утрачивается; так оказывается каким-то мгновением то, что мы теряем, а прошлое и будущее терять нельзя, потому что нельзя ни у кого отнять то, чего у него нет. Поэтому помни две вещи. Первое, что все от века единообразно и вращается по кругу, и безразлично, наблюдать ли одно и то же сто лет, двести или бесконечно долго. А другое, что и долговечнейший и тот, кому рано умирать, теряет ровно столько же. Ибо настоящее — единственное, чего они могут лишиться, раз это и только это, имеют, а чего не имеешь, то нельзя потерять.

15. Что все — признание. Верно, конечно, то, что отвечали на это кинику Мониму, но верно и то, что изречение это пригодно, если принять его силу в пределах истины.

16. Душа человека глумится над собой более всего, когда он начинает, насколько это в его силах, отрываться и как бы нарывать на мировом теле, потому что негодовать на что-либо значит отрываться от природы, которой крепко держится природа всякой другой части. Глумится также, когда отвращается от кого-нибудь или ещё кидается во вражду, как бывает с душой разгневанных. В-третьих, глумится, когда сдается наслаждению или боли. В-четвертых, когда делает или говорит что-нибудь притворно и лживо. В-пятых, когда отправит безо всякой цели какое-либо деяние или устремление, действуя произвольно или бессвязно, между тем как надо, чтобы и самая малость сообразовалась с некоторым назначением. А назначение существ разумных — следовать разуму и установлениям старейшего града и его государственности.

17. Срок человеческой жизни — точка; естество — текуче; ощущения — темны, соединение целого тела — тленно; душа — юла, судьба — непостижима, слава — непредсказуема. Сказать короче: река — все телесное, слепота и сон — все душевное; жизнь — война и

пребывание на чужбине, а память после — забвение. Тогда что способно сопутствовать нам? Одно и единственное — философия. Она в том, чтобы беречь от глумления и от терзаний поселенного внутри гения — того, что сильнее наслаждения и боли, ничего не делает произвольно или лживо и притворно, не нуждается в том, чтобы другой сделал что-нибудь или не сделал; и который приемлет, что случается или уделено, ибо оно идет откуда-то, откуда он сам; который, наконец, ожидает смерти в кротости разумения, видя в ней не что иное, как распад первостихий, из которых составляется всякое живое существо. Ведь если для самих первостихий ничего страшного в том, чтобы вечно превращаться во что-то другое, для чего тогда нам коситься на превращение и распад всего? Оно же по природе, а что по природе — не зло.

Третья книга

Писано в Карнунте.

1. Высчитывать не только, как с каждым днем растрчивается жизнь и остается все меньшая часть её, — и то высчитай, что проживи человек дольше, неизвестно, достанет ли у него силы-то ума для понимания вещей и того умозрения, которое заботится об искушенности в божественном и человеческом. Ведь начнет же дуреть: дышать, кормиться, представлять, устремляться и все такое будет без недостатка, а вот располагать собой, в надлежащее по всем числам вникать, первопредставления расчленять и следить за тем, не пора ли уже уводить себя и прочее, что нуждается в разумной мощи, — это все раньше угасает. Значит должно нам спешить не оттого только, что смерть становится все ближе, но и оттого, что понимание вещей и сознание кончаются ещё раньше.

2. Следует примечать и в том, что сопутствует происходящему по природе, некую прелесть и привлекательность. Пекут, скажем, хлеб, и потрескались кое-где края — так ведь эти бугры, хоть несколько и противоречащие искусству пекаря, тем не менее чем-то хороши и особенно возбуждают к еде. Или вот смоквы лопаются как раз тогда, когда переспели; у перезрелых маслин самая близость к гниению добавляет плодам какую-то особенную красоту. Так и колосья, гнущиеся к земле, сморщенная морда льва, пена из кабаньей пасти и многое другое, что далеко от привлекательности, если рассматривать его отдельно, однако в соупутствии с тем, что по природе, вносит ещё более лада и душу увлекает; поэтому кто чувствует и вдумывается поглубже, что происходит в мировом целом, тот вряд ли хоть в чем-нибудь из соупутствующего природе не найдет, что оно как-то приятно слажено. Он и на подлинные звериные пасти станет смотреть с тем же наслаждением, как и на те, что выставляются живописцами и ваятелями как подражание; своими здравомысленными глазами он сумеет увидеть красоту и некий расцвет у старухи или старика, и притягательность новорожденного; ему встретится много такого, что внятно не всякому, а только тому, кто от души расположен к природе и её делам.

3. Гиппократ, излечивший много болезней, заболел и умер. Халдеимногим предрекли смерть, а потом их самих взял рок. Александр, Помпеи, Гай Цезарь, столько раз до основания изничтожавшие города, сразившие в бою десятки тысяч конных и пеших, потом и сами ушли из жизни. Гераклит, столько учивший об испламенении мира, сам наполнился водой и, обложенный навозом, умер. Демокрита погубили вши, Сократа — другие вши. Так что же? — сел, поплыл, приехал, вылезай. Если для иной жизни, то и там не без богов, а если в бесчувствии, то перестанешь выдерживать наслаждение и боль и услужение сосуду, который тем хуже, что сам он в услужении, ибо одно — разум и гений, другое — земля и грязь.

4. Не переводи остаток жизни за представлениями о других, когда не соотносишь это с чем-либо общепольным. Ведь от другого-то дела откажешься, воображая, значит, что делает такой-то и зачем бы, и что говорит, и что думает, и что такое замышляет и ещё много всякого, отчего сбивается внимание к собственному ведущему. Должно поэтому уклоняться того, чтобы в цепи представлений было случайное или напрасное, а ещё более — суетное или злонравное; приучать себя надо только такое иметь в представлении, чтобы чуть тебя спросят: «О чем сейчас помышляешь?», отвечать сразу и откровенно, что так и так; и чтобы вполне явственно было, что все там просто и благожелательно и принадлежит существу общественному, не озабоченному видениями услад или вообще каких-нибудь удовлетворении, а ещё — что нет там какой-нибудь вздорности или алчности, или подозрительности, или ещё чего-нибудь такого, в чем не сможешь признаться не краснея, что оно у тебя на уме. И вот такой человек, который более уж не откладывает того, чтобы быть среди лучших, есть некий жрец и пособник богов, распоряжающийся и тем, что поселилось внутри его, благодаря чему человек этот наслажденьями не запятнан, не изранен никакой болью, ни к какому насилию не причастен, ни к какому не чувствителен злу; подвижник он подвига великого — ни единой не покорился страсти, справедливостью напоен до дна; от всей принимает души все, что есть и дано судьбой. А представлениями о том, что говорит, делает или думает другой, он себя без крайней и общепольной надобности не часто займет. То, что при нем, то ему для действия, а что отмерено судьбой, в то он вглядывается непрестанно; в том он поступает прекрасно, а в этом уверился, что оно благо. Ибо

удел, отмеренный каждому, несом целым и целое несёт. А ещё он и то помнит, что единокородно всё разумное, и что попечение о всех людях отвечает природе человека, а славы стоит добиваться не у всех, а у тех только, кто живет в согласии с природой. А кто не так живет, про тех он всегда помнит, каковы они дома и вне дома, ночью и днем, и с кем водятся. Вот и не станет он считаться хотя бы и с хвалой таких людей, которые и сами-то себе не нравятся.

5. Не действуй как бы нехотя, необщественно или же необдуманно, или же зависимо. Пусть вычурность не изукрасит твою мысль; многословен и многосуетен не будь. И пусть бог, что в тебе, будет покровитель существа мужеского, зрелого, гражданственного, римлянина, правителя, того, кто сам поставил себя в строй и по звуку трубы с легкостью уйдет из жизни, не нуждаясь ни в клятвах, ни в людском свидетельстве; в нем лишь веселие и независимость от помощи другого и независимость от того покоя, который исходит от других. Верно: «исправным быть, а не исправленным».

6. Если находишь в человеческой жизни что-нибудь лучше справедливости, истины, здравомыслия, мужества или вообще того, чтобы мысль твоя довольствовалась собою, когда ты благодаря ей действуешь по прямому разуму, и судьбой довольствовалась, когда принимаешь то, что уделено нам не по нашему выбору; если, говорю я, усмотрел ты что-нибудь лучше этого, то, обратившись к нему всей душой, вкуси от этой прекраснейшей из находок. Если же не появится ничего, что лучше поселенного в тебе гения, который и собственные устремления себе подчинил, и свои представления обследует, и от чувственных переживаний себя, как выражается Сократ, оттащил, и богам себя подчинил, а о людях печется; если ты находишь, что все прочее более мелко и убого, чем он, то не давай места такому, к чему однажды потянувшись и прибившись, уже без судорожного усилия не сможешь предпочитать то, что есть благо и само по себе, и твоё. Недозволительно выставлять против разумного и деятельного блага что бы то ни было чужеродное, хоть бы хвалу от многих, или должности, богатство, или вкушение наслаждений. Все эти вещи, даже если кажется, что понемногу они кстати, вдруг овладевают и несут за собой. Так избери же, говорю, просто и свободно то, что лучше, и этого держись. — Тем лучше, чем больше приносят пользы. — Если как разумному тебе полезно, храни. А если как животному, то докажи

и соблюдай своё суждение без ослепленья. Смотри только, основательно рассуди.

7. Никогда не расценивай как полезное тебе что-нибудь такое, что вынудит тебя когда-нибудь нарушить верность, забыть стыд, возненавидеть кого-нибудь, заподозрить, проклясть, притворствоваться, возжелать чего-нибудь, что нуждается в стенах и завесах. Право, тот, кто предпочел собственный разум и своего гения, и таинства его добродетели, тот не разыгрывает трагедию, не стенает, не нуждается ни в одиночестве, ни в многолюдстве. А главное — станет жить, не гоняясь и не избегая, а будет ли он большой отрезок времени распорядиться душой и объемлющим её телом или же меньший, это ему ничуть не важно. Да хоть бы и пора было удалиться — уйдет так же легко, как на всякое другое дело из тех, которые можно сделать почтительно и мирно. Всю жизнь он будет остерегаться единственно того, как бы мысль его не оказалась в каком-нибудь развороте, не подходящем для разумного государственного существа.

8. Не отыщешь в мысли выученного и очищенного никакого нагноения, пятна или воспаления, и рок не застанет его жизнь незавершенной, так чтобы можно было сравнить его с лицедеем, который ушел не кончив, не доиграв. А ещё ничего рабского, никаких ухищрений, никак он не скован и не отщеплен, не подотчетен, не зарылся в нору.

9. Силу признавать — чти. В ней все для того, чтобы признание в твоём ведущем не было больше несвязно с природой и устройством разумного существа. Они ведь требуют неопрометчивости, расположения к людям и покорности богам.

10. Так брось же все и только этого немногого — держись. И ещё помни, что каждый жив только в настоящем и мгновенном. Остальное либо прожито, либо неясно. Вот, значит, та малость, которой мы живы; малость и закоулок тот, в котором живем. Малость и длиннейшая из всех слав, что и сама-то живет сменой человечков, которые вот-вот умрут, да и себя же самих не знают — где там давным-давно умершего.

11. К названным выше опорным положениям пусть приложится ещё и то, чтобы всегда находить пределы и очертания тому или иному представляемому, рассматривая его естество во всей наготе, полно и вполне отдельно, и говорить себе как собственное его имя, так и

имена тех вещей, из которых оно составилось и на которые распадается. Ничто так не возвышает душу, как способность надежно и точно выверить все, что выпадает в жизни и ещё так смотреть на это, чтобы заодно охватывать и то, в каком таком мире и какой прок оно дает, и какую ценность имеет для целого, а какую для человека, гражданина высочайшего града, перед которым остальные города — что-то вроде домов. Что оно, из чего соединилось и как долго длиться дано ему природой — тому, что сейчас создает моё представление? И какая нужна здесь добродетель — нестроптивость, мужество, честность, самоограничение, самодостаточность, верность и прочие. Вот почему всякий раз надо себе говорить: это идет от бога, а это по жребию и вплетено в общую такнь, а это так получается или случай, а это — единоплеменника, родственника и сотоварища, не ведающего только, чтб тут ему по природе. А я вот ведаю и потому отнесусь к нему и преданно, и справедливо по естественному закону нашей общности. Вместе с тем в вещах средних ищущую должную оценку каждой.

12. Если будешь, действуя в настоящем, следовать за прямым разумом с рвением, силой и благожелательностью, и не привходящее что-нибудь, а собственного гения сохранишь в устойчивой чистоте, как будто бы надо уже вернуть его; если увяжешь это, ничего не ожидая и ничего не избегая, довольствуясь в настоящем деятельностью по природе и правдивостью времен героических в том, что говоришь и произносишь, — поведешь благую жизнь. И нет никого, кто помешал бы этому.

13. Как у врача! всегда под рукой орудия и железки на случай неожиданного вмешательства, так пусть у тебя будут наготове основоположения для распознавания дел божественных и человеческих и для того, чтобы даже и самое малое делать, памятуя о взаимной связи того и другого. Ведь не сделаешь ничего человеческого хорошо, не соотнеся это с божественным, и наоборот.

14. Не заблуждайся доле; не будешь ты читать своих заметок, деяний древних римлян и эллинов, выписок из писателей, которые ты откладывал себе на старость. Поспешай-ка лучше к своему назначению и, оставив пустые надежды, самому себе — если есть тебе дело до самого себя — помогай, как можешь.

15. Они же не знают, сколь различное значит «воровать», «сеять», «прицениваться», «не беспокоиться», «смотреть, что делаешь», что делается не глазами, а неким иным зрением.

16. Тело, душа, ум; телу — ощущения, душе — устремления, уму — основоположения. Впитывать представления — это и скотское, дергаться устремлениями, — и звериное, и двуполое, и Фаларидово, и Нероново. Руководствоваться умом, когда нечто представилось как надлежащее, — это и для тех, кто в богов не верует, бросает родину или берется действовать, разве что заперев двери. Так вот если остальное — общее с теми, кто назван выше, то свойством собственно достойного человека остается любить и принимать судьбу и то, что ему отмерено, а гения, поселившегося у него внутри, не марать и не оглушать надоедливými представлениями, а беречь его милостивым, мирно следующим богу, ничего не произносящим против правды и не делающим против справедливости. И если даже не верят ему все люди, что он живет просто, почтительно и благоспокойно, он ни на кого из них не досадует и не сворачивает с дороги, ведущей к назначению его жизни, куда надо прийти чистым, спокойным, легким, приладившимся неприневоленно к своей судьбе.

Четвёртая книга

1. Главенствующее внутри, когда оно в сообразии с природой, поворачивается к происходящему так, что ему всегда легко перестроиться на то, что возможно и дается ему. Не склонно оно к какому-нибудь определенному веществу, и устремляясь к тому, что само же себе с оговоркой поставило, само себе делает вещество из того, что выводят ему навстречу, — так огонь одолевает то, что в него подбрасывают; малый светильник от этого угас бы, а яркий огонь скоро усвоит себе то, что ему подносят, берет себе на потребу и отсюда-то набирает силу.

2. Не делай ничего наугад, а только по правилам искусства.

3. Ищут себе уединения в глуши, у берега моря, в горах. Вот и ты об этом тоскуешь. Только как уж по-обывательски все это, когда можно пожелать только и сей же час уединиться в себе. А нигде человек не уединяется тише и покойнее, чем у себя в душе, особенно если внутри у него то, на что чуть взглянув он сразу же обретает совершеннейшую благоустроенность — под благоустроенностью я разумею не что иное, как благоупорядоченность. Вот и давай себе постоянно такое уединение и обновляй себя. И пусть кратким и основополагающим будет то, что, едва выйдя навстречу, всю её омоет и отпустит тебя уже не сетующим на то, к чему ты возвращаешься. Правда, на что ты сетуешь — на порочность людей? Так повтори себе суждение о том, что существа разумные рождены одно для другого, что часть справедливости — сносить и что против воли проступки; и то вспомни, сколько уж их, кто жили во вражде, подозрениях, ненависти и драке, потом протянули ноги и сгорели, — и перестань наконец. Или ты сетуешь на то, что уделено тебе из целого? Так обнови в уме разделительное: либо промысл, либо атомы; а также все то, откуда доказано было, что мир подобен городу. Или вновь затронет тебя телесное? Но ты же понял, что мысль не смешивается с гладкими или шероховатыми движениями дыхания, если она однажды обрела себя и узнала присущую ей власть и прочее, что ты слушал о наслаждении и боли, с чем и сам согласился. Или издегает тебя тщеславие? Но ты же видел, как быстро забывается все, как зияет вечность, бесконечная в обе стороны, как пуст этот звон, как переменчиво и непредсказуемо то,

что мнится зависящим от нас, также и узость места, которым все это ограничено. Ведь и вся-то земля — точка, а уж какой закоулок это вот селенье, и опять же — сколько их, кто восхваляет и каковы. Вот и помни на будущее об уединении в этой твоей ограде: прежде всего не дергайся, не напрягайся — будь свободен и смотри на вещи как мужчина, человек, гражданин, как существо смертное. И пусть прямо под рукой будет у тебя двойственное, на что можно быстро бросить взгляд. Одно — что вещи души не касаются и стоят недвижно вне её, а досаждают только внутреннее признание. И второе: всё, что ни видишь, скоро подвергнется превращению и больше не будет — постоянно помышляй, скольких превращений ты и сам уже был свидетель. Мир — изменение, жизнь — признание.

4. Если духовное у нас общее, то и разум, которым мы умны, у нас общий. А раз так, то и тот разум общий, который велит делать что-либо или не делать; а раз так, то и закон общий; раз так, мы граждане; раз так, причастны некоей государственности; раз так, мир есть как бы город. Ибо какой, скажи, иной общей государственности причастен весь человеческий род? Это оттуда, из этого общего города идет само духовное, разумное и законное начало — откуда же ещё? Что во мне землисто — от земли какой-нибудь уделено мне, влажное — от другого начала, душевное — из некоего источника, а горячее и огненное — из собственного источника (ведь ничто не происходит из ничего, как и не уходит в ничто); так и духовное идет же откуда-то.

5. Смерть — такое же, как рождение, таинство природы, соединение из тех же первооснов в те же! И нет в ней ничего ни для кого постыдного: нет в ней для духовного существа непоследовательности, нет и противоречия с его строением.

6. Так оно и должно со всей необходимостью происходить у этих людей; кто не желает этого — не желает, чтобы смоковница давала свой сок. И вообще помни, что так мало пройдет времени, а уж и ты, и он умрете, а немного ещё — и даже имени вашего не останется.

7. Сними признание — снимается «обидели меня»; снято «обидели» — снята обида.

8. Что не делает человека хуже самого себя, то и жизнь его не делает хуже и не вредит ему ни внешне, ни внутренне.

9. Природа того, что приносит пользу, вынуждена делать это.

10. Что происходит, по справедливости происходит: проследи тщательно — увидишь. Я не о сообразности только говорю, а именно о справедливости, как если бы некто воздавал всякому по достоинству. Так следи же за этим, как уже начал, что бы ни делал, делай так, как достойный человек, в том смысле, в каком и мыслится достоинство. Сохраняй это в любой деятельности.

11. Не то признавай, как судит твой обидчик или как он хочет, чтобы ты сам судил, а смотри, как оно на деле.

12. Две готовности надо всегда иметь. Одна: делать только то, что поручает тебе смысл власти и закона на пользу людей. И ещё: перестраиваться, если явится кто-нибудь, чтобы поправить или переубедить в каком-нибудь мнении. Только чтобы переубеждение шло от некой достоверности, будь то справедливость или общая польза или что-нибудь такое, а не оттого, что поманила сладость или там слава.

13. Разум есть у тебя? Есть. Зачем же без него обходишься? Или чего ещё желаешь, когда он делает своё дело?

14. Как часть в целом ты возник и в породившем тебя исчезнешь. Вернее, превратившись, будешь принят в его осеменяющий разум.

15. Много комочков ладана на одном алтаре. Один раньше упал, другой позже — вполне безразлично.

16. Десяти дней не пройдет, и ты богом покажешься тем, для кого ты сейчас зверь! и обезьяна, — сверни только к основоположениям и к почитанию разума.

17. Жить не рассчитывая на тысячи лет. Нависает неизбежность. Покуда жив, покуда можно — стань хорош.

18. Сколько досуга выгадывает тот, кто смотрит не на то, что сказал, сделал или подумал ближний, а единственно на то, что сам же делает, чтобы оно было справедливо и праведно; и в достойном человеке не высматривает он темноту нрава, а спешит прямо и без оглядки своим путем.

19. Кого слава у потомков волнует, тот не представляет себе, что всякий, кто его поминает, и сам-то очень скоро умрет, а следом тот, кто его сменит, и так пока не погаснет, в волнующихся и угасающих, всякая память о нем. Ну предположим, бессмертны были бы воспоминающие и память бессмертна — тебе что с того? Не говорю уж мертвому — что проку тебе живому от похвал? или другой у тебя

расчет? Ибо некстати ты пренебрегаешь тем, что сейчас дарует природа, которая получает у тебя некий иной смысл.

20. Впрочем, все сколько-нибудь прекрасное прекрасно само по себе и в себе завершено, не включая в себя похвалу: от хвалы оно не становится ни хуже, ни лучше. Это я отношу и к тому, что принято называть прекрасным, будь то создания природы или искусства, ибо воистину прекрасное нуждается ли в чем? Не более, чем закон, не более, чем истина, не более, чем преданность и скромность. Что из этого украсит хвала, что испортит брань? Изумруд хуже станет, когда не похвалили его? А золото как? слоновая кость, багряница, лира, клинок, цветочек, деревце?

21. Если ввек пребывают души, как вмещает их воздух? — А как земля вмещает тела всех погребённых от века? Подобно тому как тут превращение и распад дают место другим мертвым для некоего продленного пребывания, так и перешедшие в воздух души, некоторое время сохраняясь, превращаются, изливаются и воспламеняются, воспринимаемые в осеменяющий разум целого, и дают таким образом место вновь подсеяемым. Вот что можно отвечать относительно предположения, что души пребывают. Достаточно представить себе не только множество погребаемых тел, но и бесчисленных животных, изо дня в день поедаемых нами и другими животными — сколько их истребляется и некоторым образом погребёно в телах поедающих, и все же благодаря переходу в кровь и преобразованиям в воздушное и огненное, то же место приемлет их. Что значит здесь расследование истины? Разделение на вещественность и причинность.

22. Не сбиваться: во всяком устремлении являть справедливость, во всяком представлении — беречь способность постигать.

23. Все мне пригодно, мир, что угодно тебе; ничто мне не рано и не поздно, что вовремя тебе, все мне плод, что приносят твои, природа, сроки. Все от тебя, все в тебе, все к тебе. Сказал поэт: «Милый Кекропов град», ты ли не скажешь: «О, милый Зевеса град»?

24. «Мало твори, коль благоспокойства желаешь». А не лучше ли необходимое делать — столько, сколько решит разум общественного по природе существа и так, как он решит? Потому как тут и будет благо-спокойствие не от прекрасного только, но ещё и малого делания. Ведь в большей части того, что мы говорим и делаем, необходимости нет, так что если отрезать все это, станешь много свободнее и

невозмутимее. Вот отчего надо напоминать себе всякий раз: «Да точно ли это необходимо?» И не только действия надо урезать, когда они не необходимы, но и представления — тогда не последуют за ними и действия сопутствующие.

25. Испробуй, не подойдет ли тебе также и жизнь достойного человека, довольного тем, что он получает в удел от целого, довольствующегося справедливостью своего деяния и благожелательностью своего душевного склада.

26. Видел то? ну а теперь это? Не смущай ты себя — будь проще. Кто-то дурно себя повел? — Ему же дурно. Что-то хорошее тебе случилось? — Изначально определено и увязано было мировым целым все, что с тобой случается. Вообще: жизнь коротка, так поживись настоящим с благоразумием и справедливостью. Трезво веселись.

27. Либо стройный миропорядок, либо груды, мешанина, и все-таки миропорядок. Может ли это быть, что в тебе есть некий порядок, а в мировом целом одна беспорядочность? И это при том, что все так и разлито, и различено и единострастно?

28. Темный нрав, женский нрав, жесткий, звериное, скотское, ребячливое, дурашливое, показное, шутовское, торгашеское, тиранское.

29. Если чужой миру тот, кто не знает, что в нем есть, не менее чужой, кто не ведает, что в нем происходит. Изгнанник, кто бежит гражданского разумения; слепец, кто близорук умственным оком; нищ, кто нуждается в чем-то, у кого при себе не все, что нужно для жизни; нарыв на мире, кто отрывается и отделяет себя от всеобщей природы, сетуя на происходящее, — ведь все это она приносит, которая и тебя выносила. Отщепенец города тот, кто отщепляет свою душу от других разумных, между тем как она едина.

30. Один без хитона философствует, другой без книги. Тот, полуголый, так говорит: «У меня хлеба нет, а я верен разуму». — «А у меня познавательной нет пищи, и я верен».

31. Люби скромное дело, которому научился, и в нем успокойся. А остаток пройди, от всей души препоручив богам все твоё, из людей же никого не ставя ни господином себе, ни рабом.

32. Помысли себе, скажем, времена Веспасиана; все это увидишь: женятся, растят детей, болеют, умирают, воюют, празднуют, занимаются торговлей и земледелием, подлещиваются,

высокомерничают, подозревают, злоумышляют, мечтают о чьей-нибудь смерти, ворчат на настоящее, влюбляются, накапливают, жаждут консульства, верховной власти. И вот нигде уже нет этой жизни. Тогда переходи ко временам Траяна — снова все то же, и снова мертва и эта жизнь. Точно так же взгляни на другой какой-нибудь отрезок времен в жизни целых народов и посмотри, сколько тех, кто напрягался, а там упал и распался на первостихии. Особенно стоит возвращаться к тем, о ком знал ты, что они дергаются попусту, пренебрегая собственным же устройством вместо того, чтобы за него уцепиться и довольствоваться им. А столь необходимо это припоминание оттого, что озабоченность тем или иным делом имеет свою цену и меру. Ты тогда не оплошаешь, когда не примешься за малое с большей, чем надобно, силой.

33. Когда-то привычные слова, ныне ученая редкость. Так же имена прославленных когда-то людей ныне — вроде как забытые слова: Камилл, Цезон, Волез, Дентат; а там, понемножку, и Сципион с Катонем, зат'-м и Август, потом Адриан, Антонин. Все переходчиво, все быстро становт; я баснословием, а вскоре и совершенное забвение все погребает. И это я говорю о тех, кто, некоторым образом, великолепно просиял, потому что кто не таков, тот, чуть испустив дух, уже «незнаем, неведом». Да и что вообще вечно-памятно? Вздор все это. Так что же тогда есть такого, ради чего стоит усердствовать? Единственно справедливое сознание, деяние общественное и разум, никогда не способный ошибаться, и душевный склад, принимающий все происходящее как необходимое, как знакомое, как проистекающее из того самого начала и источника.

34. Добровольно вручай себя пряхе Клото и не мешай ей впрясть тебя в какую ей будет угодно пряжу.

35. Все на день, и кто помнит, и кого.

36. Созерцай непрестанно, как все становящееся становится в превращениях, и привыкай сознавать, что природа целого ничего не любит так, как превращать сущее, производя молодое, подобное старому. Ибо некоторым образом все сущее есть семя будущего, ты же думаешь, семя — то, что падает в землю или в лоно — очень уж по-обывательски это.

37. Умрешь вот, так и не сделавшись ни цельным, ни безмятежным, ни чуждым подозрений, будто может прийти к тебе вред

извне; так и не сделавшись ко всем мягок, не положив себе, что разум единственно в том, чтобы поступать справедливо.

38. Разгляди их ведущее, хотя бы и разумных, — за чем гонятся, чего избегают.

39. В чужом ведущем твоей беды нет, как нет её, конечно, и в том или ином развороте или изменении внешнего. Но где же? Там, где происходит признание беды. Так вот: пусть не идет оттуда признание, и все у тебя хорошо. И если даже это твоё тело режут и жгут, если оно гноится, гниет, пусть та доля, которая ведаёт признанием этого, будет покойна, то есть пусть так рассудит, что это ни добро, ни беда, раз может такое случиться и с хорошим человеком, и с дурным. Ибо что равно случается и с тем, кто живет по природе, то уже ни по природе, ни против природы.

40. Как о едином существе! помышлять всегда о мире, о едином по естеству и с единой душой, и о том, как все, что ни есть в нем, передается в единое чувствование, и как оно единым устремлением делает все разом, и как все сопричинно тому, что становится, и как здесь все увязано и сметано.

41. Ты — душонка, на себе труп таскающая, говаривал Эпиктет.

42. Нет беды тому, что в превращение ввергается, равно как и блага тому, что из превращения рождается.

43. Вечность — как бы река из становления, их властный поток. Только показалось что-то и уж пронеслось; струя это подносит, а то унесла.

44. Что ни случается — привычно, знакомо, как роза по весне или плоды летом. Таковы и болезнь, и смерть, клевета, коварство и сколько ещё такого, что радует или огорчает глупцов.

45. Вновь наступающее всегда расположено следовать за предшествующим. Это ведь не перечисление какое-то отрывочное и всего лишь принудительное, а осмысленное соприкосновение. И подобно тому, как ладно расставлено все сущее, так и становящееся являет не простую последовательность, а некую восхитительную расположенность.

46. Всегда помнить гераклитово: смерть земли стать водою, смерть воды стать воздухом, воздуха — огнем, и обратно. Вспоминать и о том, кто забывает, как ведет эта дорога. А ещё, что люди особенно ссорятся с тем, с кем более всего имеют общение, — с разумом,

который управляет целым; и с чем они каждый день встречаются, то кажется им особенно странным. И что не надо действовать и говорить как во сне — ведь нам и тогда кажется, будто мы действуем и говорим. И что не надо этого: «дети своих родителей», а попросту сказать: «Живем, как повелось».

47. Вот сказал бы тебе кто-нибудь из богов, что завтра умрешь или уж точно послезавтра — не стал бы ты ломать голову, чтобы умереть именно послезавтра, а не завтра, если ты, конечно, не малодушен до крайности. В самом деле, велик ли промежуток? Точно так же через много лет или завтра — не думай, что велика разница.

48. Постоянно помышлять, сколько уж умерло врачей, то и дело хмуривших брови над немощными; сколько звездочетов, с важным видом предрекавших другим смерть; сколько философов, бившихся без конца над смертью и бессмертием; сколько воителей, которые умертвили многих; сколько тиранов, грозно, словно они боги, распоряжавшихся чужой судьбой. Да сколько и городов, так сказать, умерло: Гелика, Помпеи, Герку-ланум и другие без счета. Переходи к своим знакомым, одному за другим: этот хоронил того, а потом протянул ноги и сам, а этот другого, и все это в скорости. И вообще: увидеть в человеческом однодневное, убогое; вчера ты слизь, а завтра мумия или зола. Так вот — пройти в согласии с природой эту малость времени и расстаться кротко, как будто бы упала зрелая уже оливка, благославляя выносившую её и чувствуя благодарность к породившему её дереву.

49. Быть похожим на утес, о который непрестанно бьется волна; он стоит, — и разгоряченная влага затихает вокруг него. Несчастный я, такое со мной случилось! — Нет! Счастлив я, что со мной такое случилось, а я по-прежнему беспечален, настоящим не уязвлен, перед будущим не робею. Случиться-то с каждым могло подобное, но беспечальным остаться сумел бы не всякий. Неужели то несчастье больше этого счастья? Да и вообще, неужели ты называешь человеческим несчастьем то, что не есть срыв человеческой природы? и неужели тебе представляется срывом человеческой природы то, что не противоречит воле этой природы? Что ж! Волю её ты познал. Может быть то событие помешало тебе быть справедливым, великодушным, здравомысленным, разумным, неопрометчивым, нелживым, скромным, свободным и прочее, при наличии чего

человеческая природа все своё уже получила? Так запомни на будущее — во всем, что наводит на тебя печаль, надо опираться на такое положение: не это — несчастье, а мужественно переносить это — счастье.

50. Обывательское, но действенное средство, чтобы презирать смерть — держать перед глазами тех, кто скаречно цеплялся за жизнь. Что, много они выгадали по сравнению с недолговечными? Все равно лежат ведь: Кадикан, Фабий, Юлиан, Лепид или ещё кто-нибудь из тех, которые многих похоронили перед тем, как похоронили их самих. И вообще: какой малюсенький отрезок, а с кем и чего не хлебнешь, в эдаком-то теле! Вздор все это. Ты посмотри только на это зияние вечности позади и на другую беспредельность впереди. Что тут значит, жить ли три дня или три Нестеровых века?

51. Спеси всегда кратчайшим путем, а кратчайший путь — по природе, чтобы говорить и делать все самым здравым образом. Потому что такое правило уводит от трудов и борений, от расчетов и всяких ухищрений.

Пятая книга

1. Поутру, когда медлишь вставать, пусть под рукой будет, что просыпаюсь на человеческое дело. И ещё я ворчу, когда иду делать то, ради чего рождён и зачем приведен на свет? Или таково моё устройство, чтобы я под одеялом грелся? — Так ведь сладко это. — А ты значит родился для того, чтобы сладко было? И ничуть не для того, чтобы трудиться и действовать? Не видишь ты разве травку, воробышков, муравьев, пауков, пчел, как они делают своё дело, соустраивают, насколько в их силах, мировой строй? И ты после этого не хочешь делать дело человека, не бежишь навстречу тому, что согласно с твоей природой? — Отдыхать тоже нужно. — Верно. Так ведь природа дала меру этому, как дала меру еде и питью. И все-таки ты берешь сверх меры, сверх того, что достаточно; а в деле — нет, все «в пределах возможного». Не любишь ты себя, иначе любил бы и свою природу, и волю её. Вот ведь кто любит своё ремесло — сохнут за своим делом, неумытые, непоевшие. Ты, значит, меньше почитаешь собственную свою природу, чем чеканщик свою чеканку, плясун — пляску, серебро — сребролюбец, тщеславие — честолюбец? Ведь эти, когда их захватит страсть, ни еду не предпочтут, ни сон — только б им умножать то, к чему они устремлены, а для тебя общественное деяние мелковато и недостойно таких же усилий?

2. До чего же просто оттолкнуть и стереть всевозможные докучливые или неподходящие представления и тут же оказаться во всевозможной тишине.

3. Считай себя достойным всякого слова и дела по природе, и пусть не трогает тебя последующая брань или молва, а только то, прекрасно ли сделанное и сказанное — не отказывай сам же себе в достоинстве. Потому что у тех своё ведущее, и собственными устремлениями они распоряжаются. Так что не смотри на это, а шествуй прямо, следуя природе собственной и общей — у них обеих одна дорога.

4. Шествую в сообразии с природой, пока не упаду и не упокоюсь; отдам дыхание тому, чем дышу всякий день, а упаду на то самое, из чего набрал мой отец семени, мать — крови, молока — кормилица;

чем всякий день столько уж лет объедаюсь и опиваюсь, что носит меня, попирающего и столько раз им злоупотреблявшего.

5. Остроте твоей они подивиться не могут — пусть! Но ведь есть много такого, о чем ты не скажешь: не дала природа. Вот и являй себя в том, что всецело зависит от тебя: неподдельность, строгость нрава, выносливость, суровость к себе, несетование, неприхотливость, благожелательность, благородство, самоограничение, немногоречие, величавость. Не чувствуешь разве, сколько ты мог уже дать такого, где никакой не имеет силы ссыла на бездарность и неспособность, а ты все остаешься на месте по собственной воле? или может быть из-за бездарного устройства ты вынужден скулить и цепляться, подлаживаться, жаловаться на немощь, угождать, чваниться и столько метаться душой? Нет же, клянусь богами! Ты давно мог уйти от этого; если бы и тогда осудили тебя, так разве что за тупость и неповоротливость. Вот и надо стараться, не теряя это из виду и не упиваясь своей вялостью.

6. Иной, если сделает кому что-нибудь путное, не замедлит указать ему, что тот отныне в долгу. Другой не так скор на это — он иначе, про себя помышляет о другом как о должнике, помня, что ему сделал. А ещё другой как-то даже и не помнит, что сделал, а подобен лозе, которая принесла свой плод и ничего не ждет сверх этого. Пробежал конь, выследила собака, изготовила пчела мед, а человек добро — и не кричат, а переходят к другому, к тому, чтобы, подобно лозе, снова принести плод в свою пору. — Значит, надо быть среди тех, кто делает это некоторым образом бессознательно? — Именно. — Но ведь как раз это и надо сознавать, потому что свойственно общественному существу чувствовать, что оно действует общественно, и — клянусь Зевсом — желать, чтобы и другой это почувствовал. — Верно говоришь, не схватил только, о чем сейчас разговор. Вот ты и будешь из тех, о ком я упомянул сперва, ибо и тех увлекает некая убедительность счета. А захочешь понять, о чем разговор, так не бойся, — вот уж из-за чего ни одного общественного деяния не упустишь.

7. Молитва афинян: пролейся дождем, милый мой Зевс, на пашню афинян и на долины. Либо вовсе не молиться, либо вот так — просто и свободно.

8. Как говорят, что назначил Асклепий такому-то конные прогулки, холодные умывания или ходить босым, точно так скажем: назначила природа целого такому-то болезнь, увечье, утрату или ещё что-нибудь такое. Ибо и там это «назначить» имеет примерно такой смысл: назначил такому-то то-то в соответствии с его здоровьем, и здесь то, как складываются у кого-нибудь обстоятельства, как бы назначено ему в соответствии с его судьбой. Мы говорим: «Так складываются у нас обстоятельства»; как ремесленники говорят, что складываются пригнанные камни в стенах или пирамидах, когда они хорошо прилажены один к другому в той или иной кладке. И так во всем — один лад. И как из всех тел составляется такое вот тело мира, так из всех причин составляется такая вот причина-судьба. То, о чем я говорю, знают и простые обыватели. Говорят же они: вот что принесла ему судьба. А это ему принесла, значит это ему назначено. Примем же это, как то, что назначено Асклепием. Ведь и там немало бывает горького, а мы принимаем — в надежде на здоровье. Так пусть достижение и свершение того, что замыслила о тебе общая природа, мыслится тобой, словно это — твоё здоровье. Вот и приемли все, что происходит, хотя бы оно и казалось несколько отталкивающим, раз уж оно ведет туда, к мировому здоровью, к благому Зевесову пути и благоденствию. Не принесла бы вот это природа, если бы оно целому пользы не принесло. Возьми природу чего бы то ни было — ничего она не приносит такого, что не соответствует тому, чем она управляет. Итак, есть два основания, почему должно принимать с нежностью все, что с тобой случается. Во-первых: с тобой случилось, тебе назначено и находилось в некотором отношении к тебе то, что увязано наверху со старшими из причин. Во-вторых: что относится к каждому в отдельности, также является причиной благоденствия, свершения и, Зевсом клянусь, самого существования того, что управляет целым. Ибо становится увечной целокупность, если хоть где-нибудь порвано сочленение и соединение, в частях ли или в причинах. А ведь когда ропщешь, ты, сколько умеешь, рвешь их и некоторым образом даже уничтожаешь.

9. Не бросать дело с брезгливостью, не опускать рук, если редко удастся тебе делать и то, и это согласно основоположениям. Нет, сбившись, возвращаться снова и ликовать, если хоть основное человечно выходит, и любить то, к чему возвращаешься. И не

приходить к философии как к наставнику, а так, как больной глазами к губке и яйцу, а другой к мази, к промыванию. Тогда ты не красоваться будешь послушанием разуму, а успокоишься в нем. Ты помни, что философия хочет только того, чего хочет твоя природа, а ты другого захотел, не по природе.

— Но есть ли что-нибудь привлекательнее, чем вот это? — А наслаждение, не этим ли обманывает? Ты посмотри-ка, не привлекательнее ли великодушие, благородство, простота, доброжелательность, праведность? А самого-то благоразумения, что привлекательнее, если дойдет до тебя его безошибочность и благое течение во всем, что касается сознающей и познавательной силы.

10. Вещи некоторым образом так прикровенны, что многим, притом незаурядным философам, они представлялись совсем непостижимыми, да даже и для самих стойков они труднопостижимы. И всякое наше согласие переменчиво, ибо где он, неизменный? Теперь переходи к самим предметам: как недолговечны, убоги, подвластны иной раз и распутнику, и девке, и грабителю. Обратись далее к нравам окружающих — самого утонченного едва можно вынести; что себя самого еле выносишь, я уж не говорю. И вот в этой тьме, мути и потоке естества, и времени, и движения, и того, что движется, есть ли, не придумаю, хоть что-нибудь, что можно ценить, о чем хлопотать. Напротив, утешать себя нужно ожиданием естественного распада и не клясть здешнее пребывание, а искать отдохновения единственно вот в чем: во-первых, ничего не случится со мной иначе как в согласии с природой целого; во-вторых, дано мне не делать ничего против моего бога и гения, потому что никто не заставит пойти против него.

11. На что я сейчас употребляю свою душу? Всякий раз спрашивать себя так и доискиваться, что у меня сейчас в той доле меня, которую называют ведущее, и чья у меня сейчас душа — не ребёнка ли? а может быть подростка? или ещё женщины? тирана? скота? зверя?

12. Каково все то, что людям кажется благом, можешь увидеть хотя бы вот откуда. Задумай подлинно существующее благо, ну вот благоразумение, здравомыслие, справедливость, мужество; их-то задумав, не услышишь вдогонку известное: «так много благ...» — не подойдет. Потому что, если задумать то, что представляется благом толпе, изречение комедиографа и произнесут, и с легкостью признают,

что верно сказано. Толпа тоже, значит, представляет себе это различие, иначе и с первым это никак не расходилось бы и не было отвергнуто, и относительно богатства, удобства, роскоши или славы мы не воспринимали бы это речение как меткое и остроумное. Но иди тогда дальше и спроси, чтить ли, признавать ли за благо такие вещи, которые и не помыслишь так, чтоб нельзя было кстати прибавить, что от изобилия их «негде уж оправиться».

13. Состою из причинного и вещественного, а ведь ничто из этого не уничтожается в небытие, как и не возникло из небытия. По превращении помещена будет всякая часть меня в некую часть мира, а та превратится в другую ещё часть мира, и так без предела. По таком же превращении и сам я возник когда-то, и те, кто породили меня, и далее так же в другой беспредельности. Ничто ведь не мешает утверждать это, даже если мир управляется по определенным кругооборотам.

14. Разум и искусство разумения суть способности, которым довольно себя и дел, сообразных себе; устремляются они из свойственного им начала, а путь их прямо к лежащему перед ними назначению. Вот и называются такие деяния прямодеяниями, знаменуя таким образом прямоту пути.

15. Не заботиться человеку ни о чем таком, что не есть задание человека, поскольку он человек. Не требуется это человеку, не подразумевает этого сама человеческая природа и не назначено это как совершенство человеческой природы. Нет, не в этом назначение человека, и не в этом то, что составляет его назначение, — благо. К тому же если бы что-нибудь из этого входило в задание человека, то пренебрегать этим или противостоять не было бы заданием, и не хвалы был бы достоин тот, кто доволен и без этого; и не был бы благороден тот, кто меньше, чем мог бы, этим пользуется, если бы только благо это было. Между тем, чем больше человек лишает себя этого или чего-нибудь подобного, а то ещё сносит, когда его этого лишают, тем он лучше.

16. Каковое часто представляешь себе, такова будет и твоя мысль, потому что душа пропитывается этими представлениями; вот и пропитывай её с упорством такими представлениями, что, где живешь, там можно счастливо жить. А живешь при дворе, значит можешь счастливо жить при дворе. И опять же: ради чего устроена всякая

вещь, к тому она и устроена, а к чему устроена, к тому стремится, а к чему стремится, в том её назначение, а где назначение, там и польза всякой вещи, и благо. Так вот благо разумного существа в общности, а что мы рождены для общности, давно доказано. Или не явственно доказано, что худшее ради лучшего, а лучшее одно ради другого? А ведь одушевленное лучше бездушного, разумное же — одушевленного.

17. Гнаться за невозможным — безумие. А невозможно, чтобы негодные не поступали в общем именно так.

18. Ни с кем не случается ничего, что не дано ему вынести. Вот с другим случилось то же самое, а он либо не ведает, что оно случилось, либо выказывает величие своего духа и остается уравновешен и не сломлен бедой. Так ведь это же страшно, чтобы неведение или похвальба были сильнее благоразумения.

19. Вещи сами по себе ничуть даже не затрагивают души, нет им входа в душу и не могут они поворачивать душу или приводить её в движение, а поворачивает и в движение приводит только она себя самое, и какие суждения найдет достойными себя, таковы для нее и будут существующие вещи.

20. Вообще-то расположенность к человеку у нас чрезвычайная — поскольку надо делать им хорошее и терпеть их. А поскольку иные становятся поперек пути в деле, к какому я расположен, человек уходит для меня в безразличное, не хуже солнца, ветра, зверя. Помешать деятельности такое может, но для моего устремления и душевного склада это не помеха — при небезоговорочности и переходе, когда мысль переходит и преобразует в первостепенное всякое препятствие нашей деятельности. И продвигает в деле самая помеха делу и ведет по пути трудность пути.

21. Из всего, что есть в мире, что сильнее, а это то, что всем распоряжается и всем ведает. Точно так же из всего, что в тебе, что сильнее — оно как раз однородно первому. Ибо и в тебе это то, что распоряжается другими, и твоя жизнь им управляема.

22. Что не вредно городу, не вредит и гражданину. При всяком представлении о вреде применяй такое правило: если городу это не вредит, не вредит и мне; если же вредит городу, то не следует сердиться на повредившего городу. Недосмотр в чем?

23. Помышляй почаще о той быстроте, с которой проносится и уходит все, что существует или становится. Ибо и естество, подобно реке, в непрерывном течении, и действия в постоянных превращениях, и причины в тысячах разворотов; даже и то, что близко, ничуть не устойчиво, а беспредельность как прошлого, так и будущего — зияние, в котором все исчезает. Ну не глуп ли тот, кто при всем том надувается или дергается или вопит, словно велик этот срок и надолго эта досада.

24. Помни о всеобщем естестве, к коему ты такой малостью причастен, и о всецелом веке; коего краткий и ничтожный отрезок тебе отмерен, и о судьбах, в коих какова вообще твоя часть?

25. Другой погрешил чем-то против меня? Пусть сам смотрит — свой душевный склад, свои действия. А я сейчас при том, чего хочет для меня общая природа, и делаю я то, чего хочет от меня моя природа.

26. Ведущая и главенствующая часть твоей души пусть не знает разворотов от гладких или же шероховатых движений плоти и пусть не судит с ней заодно, но очертит это и ограничит эти переживания соответствующими частями тела. Когда же они передаются мысли по иному — по единострастию единенного тела, тогда не пытаться идти против ощущения, раз уж оно природно; пусть только ведущее от самого себя не прилагает признания, будто это добро или зло.

27. Жить с богами. А живет с богами, кто упорно показывает им, что душе его угодно уделяемое ей, и что делает она то, чего желает её гений, коего, словно кусочек себя, Зевс каждому дал защитником и водителем. Дух и разум каждого — это он.

28. На потного сердисься ты? на того, у кого изо рта пахнет? Ну что, скажи, ему поделаться? такой у него рот, пазуха такая, и неизбежно, чтобы было оттуда такое выделение. — Но ведь человек разум имеет, мог бы заняться этим и сообразить, в чем погрешность. — Вот хорошо-то! Выходит, и у тебя разум; так ты и продвинь своим разумным складом разумный склад другого; укажи, напомни. Послушается, так исцелишь, и сердиться нечего. Ни на подмостках, ни на мостовой.

29. Как ты помышляешь жить, уйдя отсюда, так можешь жить и здесь; а не дают, тогда вовсе уйди из жизни, только не так, словно зло какое-то потерпел. Дымно — так я уйду; экое дело, подумаешь. А покуда ничто такое не уводит меня из жизни — я независим, и никто

не помешает мне делать то, что желаю в согласии с природой разумного и общественного существа.

30. Разум целого обществен — сделал же он худшее ради лучшего, а в лучшем приладил одно к другому. Ты видишь ли, как он все подчинил, сочинил, всякому воздал по достоинству и господствующее привел к единению друг с другом.

31. Как ты относился до сих пор к богам, родителям, братьям, жене, детям, учителям, дядькам, друзьям, домашним, к рабам? ко всем ли у тебя до сих пор получается: «Не совершить ничего незаконно и не сказать»? Вспомни и то, что ты уже прошел и на что тебя уже хватило, и что теперь полное у тебя знание жизни и что это последнее твоё служение, и сколько прекрасного ты видел и сколько раз пренебрег наслаждениями или болью, сколько славы не взял, к скольким недобрым был добр.

32. Как могут души неискушенные и невежественные смущать искушенную и сведущую! А какая душа искушена и сведуща? Та, которая знает начало, назначение и разум, который проходит сквозь все естество и через целую вечность, по определенным кругооборотам всем управляя.

33. Недолго, и стану пепел или кости, может имя, а то и не имя. А имя-то — звук и звон, да и все, что ценимо в жизни, — пусто, мелко, гнило; собачья грызня, вздорные дети — только смеялись и уж плачут. А верность, стыд, правда, истина «на Олимп с многопутной земли улетели». Что же тогда и держит здесь, раз ощущаемое нестойко и так легко превращается, чувства темны и ложнопечатлительны, а и сама-то душа — испарение крови. Слава у таких — пустое. Так что же? Готовишься с кротостью либо угаснуть, либо перейти. А пока не пришел срок, чем довольствоваться? Чем же иным, кроме как чтить и славить богов, а людям делать добро. Выдерживай их, воздерживайся от них. А что не находится в пределах твоей плоти и дыханья, об этом помни, что оно не твоё и не от тебя зависит.

34. В любой час можно обрести благое течение, раз уж можно идти благим путем, раз уж можно путем признавать и действовать. Две вещи общие душе бога, и человека, и всякого разумного существа: не знать помехи от другого, а ещё то, чтобы видеть благо в душевном складе и деянии правдолюбца и на этом завершать желание.

35. Если это не мой порок и не деятельность, сообразная моему пороку, и нет вреда от этого общему, зачем я не безразличен к этому? Ну, а что вредит общему?

36. Не предаваться всецело власти представлений, а быть по возможности бдительным к их ценности, и даже если они сошли до средних вещей, не воображай, что тут вред — плохая это привычка. Нет, как старик, уходя, забирает у воспитанника юлу, памятуя, что это юла, так и здесь; а не то будешь вопить, как с подмостков: — Человек, да ты не забыл ли, что это такое? — Нет. Но они так об этом усердствуют. — Так значит и тебе стать глупцом? Наконец-то, где бы меня ни прихватило, я стал благополучный человек. Благополучный — значит такой, кто избрал себе благую участь, а благая участь — это благие развороты души, благие устремления, благие деянья.

Шестая книга

1. Естество целого послушно и податливо, а у разума, им управляющего, нет никакой причины творить зло, потому что в нем нет зла, и не творит он зла, и ничто от него вреда не терпит. А ведь по нему все происходит и вершится.

2. Счита́й безразличным, зя́бко ли тебе или жарко, если ты делаешь, что подобает; и выспался ли ты при этом или клонится твоя голова, бранят тебя или же славят, умираешь ли ты или занят иным образом, потому что и умирать — житейское дело, а значит и тут достаточно, если справишься с настоящим.

3. Гляди внутрь; пусть в любом деле не ускользнет от тебя ни собственное его качество, ни ценность.

4. Все предметы так скоро превращаются и либо воскурятся, если уж естество едино, либо рассыплются.

5. Управляющий разум знает, по какому расположению и что делает, и с каким веществом.

6. Лучший способ защититься — не уподобляться.

7. Ищи радости и покоя единственно в том, чтобы от общественного деяния переходить к общественному деянию, памятуя о боге.

8. Ведущее это то, что себя же будит, преобразует, делает из себя, что только хочет, да и все, что происходит, заставляет представляться таким, каким само хочет.

9. Все вершится согласно природе целого — а не какой-нибудь другой, окружающей извне или извне окруженной или же отделенной вовне.

10. Либо мешанина, и переплетение, и рассеянье, либо единение, и порядок, и промысл. Положим, первое. Что же я тогда жажду пребывать в этом случайном сцеплении, в каше? О чем же мне тогда и мечтать, как не о том, что вот наконец-то «стану землею». Что ж тут терять невозмутимость — уж придет ко мне рассеянье, что бы я там ни делал. Ну а если другое — чту и стою крепко и смело вверяюсь всеправителю.

11. Если обстоятельства как будто бы вынуждают тебя прийти в смятение, уйди поскорее в себя, не отступая от лада более, чем ты

вынужден, потому что ты скорее овладеешь созвучием, постоянно возвращаясь к нему.

12. Если бы у тебя и мать была сразу, и мачеха, ты бы и эту почитал, а все-таки постоянно ходил бы к той. Вот так у тебя теперь придворная жизнь и философия: ходи почаще туда и у той отдыхай, из-за которой ты способен принять эту другую, и она тебя.

13. Как представлять себе насчет подливывы или другой пищи такого рода, что это рыбий труп, а то — труп птицы или свиньи; а что Фалернское, опять же, виноградная жижа, а тога, окаймленная пурпуром, — овечьи волосья, вымазанные в крови ракушки; при совокуплении — трение внутренностей и выделение слизи с каким-то содроганием. Вот каковы представления, когда они метят прямо в вещи и проходят их насквозь, чтобы усматривалось, что они такое, — так надо делать и в отношении жизни в целом, и там, где вещи представляются такими уж преубедительными, обнажать и разглядывать их невзрачность и устранять предания, в какие они рядятся. Ибо страшно это нелепое ослепление, и как раз когда кажется тебе, что ты чем-то особенно важным занят, тут-то и оказываешься под сильнейшим обаянием. Вот и смотри, что сказал Кратет о самом Ксено-крате.

14. Большую часть того, чем восхищается толпа, можно свести к совсем общему родовому, к тому, что соединено состоянием или природой — камни, бревна, смоковницы, виноград, маслины. У тех, в ком больше соразмерности, — склонность к тому, что соединено душой, как стада, табуны. Кто поизысканнее — привязаны к тому, что соединено разумной душой, только не всеобщей, а поскольку она что-нибудь умеет или имеет какой-нибудь навык, иначе говоря, к тому, чтобы обладать множеством двуногих. Тот же, кто чтит разумную, всеобщую и гражданственную душу, тот уж на другое не станет смотреть, а прежде всего свою душу бережет в её разумном и общественном состоянии и движении и сродникам своим способствует в том же.

15. Одно торопится стать, другое перестать; даже и в том, что становится, кое-что уже угасло; течение и перемена постоянно молодят мир, точь-в-точь как беспредельный век вечно молод в непрестанно несущемся времени. И в этой реке можно ли сверх меры почитать что-нибудь из этого мимобегущего, к чему близко стать

нельзя, — все равно как полюбить какого-нибудь пролетающего мимо воробышка, а он гляди-ка, уж и с глаз долой. Вот и сама жизнь наша — нечто подобное: как бы испарение крови и вдыхание воздуха. Ибо какво вдохнуть воздух однажды и выдохнуть, что мы все время делаем, таково ж и приобретенную тобой с рождением вчера или позавчера самое дыхательную способность разом вернуть туда, откуда ты её почерпнул.

16. Не дорого дышать, как растения, вдыхать, как скоты и звери, впитывать представления, дергаться в устремлении, жить стадом, кормиться, потому что это сравнимо с освобождением кишечника. Что ж дорого? Чтоб трубили? Нет. Или чтоб языками трубили? ведь хвалы людей — словесные трубы. Значит и славу ты бросаешь. Что ж остается дорогого? Мне думается — двигаться и покоиться согласно собственному строю; то, к чему ведут и упражнения, и искусства. Ведь всякое искусство добивается того, чтобы нечто устроенное согласовалось с делом, ради которого оно устроено. Так садовник, ухаживающий за лозой, или тот, кто объезжает коней или за собакой ухаживает, заботится об этом. А воспитатели, учителя о чем же пекутся? Это и дорого, и если это в порядке, то обо всем другом не твоя забота. Неужели не перестанешь ты ценить и многое другое? Тогда не бывать тебе свободным, самодостаточным, нестранным, потому что неизбежно станешь завидовать, ревновать, быть подозрительным к тем, кто может отнять это, или ещё станешь злоумышлять против тех, кто имеет это ценимое тобой. Вообще неизбежно в совершенное замешательство прийти тому, кто нуждается хоть в чем-нибудь таком, да и в богохульство впасть. А вот трепет перед собственным разумением и почитание его сделают, что и сам себе будешь нравиться, и с сотоварищами ладить, и с богами жить в согласии, то есть славить все, что они уделяют и устроят.

17. Вверх, вниз, по кругу несутся первостихии, но не в этом движение добродетели; оно — нечто более божественное и блаженно шествует своим непостижным путем.

18. Нет, что они делают! — людей, живущих в одно с ними время и вместе с ними, они хвалить не желают, а сами тщатся снискать похвалу у потомков, которых никогда не видели и не увидят. Отсюда совсем уж близко до огорчения, что предки не слагали тебе похвальных речей.

19. Хоть бы и с трудом тебе давалось что-нибудь — не признавай это невозможным для человека, а напротив, что возможно и свойственно человеку, то считай доступным и для себя.

20. В гимнасии и ногтем тебя зацепят, и головой кто-нибудь, метнувшись, ударит — так ведь мы же не показываем виду и не обижаемся и после не подозреваем в нем злоумышленника. Ну, остережемся, но не как врага и не подозревая, а только уклоняясь благожелательно. Так пусть это же произойдет и в других частях жизни: пропустим многое, словно мы в гимнасии, потому что можно, как я сказал, уклоняться без подозрений, без вражды.

21. Если кто может уличить меня и показать явно, что неверно я что-нибудь понимаю или делаю, переменюсь с радостью. Я же правды ищу, которая никому никогда не вредила; вредит себе, кто коснеет во лжи и неведении.

22. А я делаю, что надлежит, прочее меня не трогает, потому что это либо бездушное, либо бессловесное, либо заблудшее и не знающее пути.

23. С существами неразумными и вообще вещами и предметами обходись уверенно и свободно, как тот, кто имеет разум, с теми, что разума не имеют. С людьми же обходись, как с имеющими разум, — общественно. Во всем призывай богов. И безразлично, сколько воемени ты будешь это делать, потому что достаточно и трех часов таких.

24. Александр Македонский и погонщик его мулов умерли и стали одно и то же — либо приняты в тот же осеменяющий разум, либо одинаково распались на атомы.

25. Поразмысли-ка, сколько телесного и душевного происходит сразу в каждом из нас в малое мгновение. Тогда не станешь удивляться, как в том едином и всецелом, что мы называем мир, вмещается сразу ещё много больше, а вернее все, что происходит.

26. Если кто поставит тебе вопрос, как пишется имя АНТОНИН, неужели ты будешь произносить каждую букву с натугой? Ну а станет сердиться, так рассердишься и ты? Разве не перечислишь тихо все знаки поочередно? Точно так и здесь: помни, что всякое надлежащее слагается из определенных числ. Это имей в виду и не смущайся, на негодующих не негодуй, четко исполняй своё задание.

27. Как же это свирепо — не позволять людям устремляться к тому, что кажется им естественным и полезным! А ведь ты некоторым образом не позволяешь им это, когда негодуешь на то, что они заблуждаются. Они-то кидаются на это, конечно же, как на естественное и полезное. — Так ведь не так это! — Тогда учи и показывай, не сердясь.

28. Смерть — роздых от чувственных впечатлений, от дергающих устремлений, от череды мыслей и служения плоти.

29. Постыдно, чтоб в той жизни, в которой тело тебе не отказывает, душа отказывала бы тебе раньше.

30. Гляди, не оцезарись, не пропитайся порфирой — бывает такое. Береги себя простым, достойным, неиспорченным, строгим, прямым, другом справедливости, благочестивым, доброжелательным, приветливым, крепким на всякое подобающее дело. Вступай в борьбу, чтобы оставаться таким, каким пожелало тебя сделать принятое тобой учение. Чти богов, людей храни. Жизнь коротка; один плод земного существования — праведный душевный склад и дела на общую пользу. Во всем ученик Антонина: это его благое напряжение в том, что предпринимается разумно, эта ровность во всем, чистота, ясность лица, ласковость, нетщеславие, а честолюбие тогда, когда речь шла о постижении в делах; и как он вообще ничего не оставлял, пока не рассмотрит дело вполне хорошо и ясно; и как без порицания сносил тех, кто несправедливо его порицал; как не спешил никуда и как не слышал клевет; и какой старательный был наблюдатель нравов и людских дел, а не хулиТЕЛЬ их; не пугливый, не подозрительный, не мудрствующий; и сколь немногим довольствовался, будь то жилье, постель, одежда, еда или прислуга; и как трудолюбив, как вынослив; до вечера он на скудном столе и даже испражняться имел обыкновение не иначе, как в заведенное время; а эта прочность и неизменность в дружбе и терпимость к тем, кто открыто выступал против его решений, и радость, если кто укажет лучшее; и как был благочестив без суеверия. Встретить бы тебе свой последний час с такой же, как у него, чистой совестью.

31. Отрезвись и оклики себя, и снова проснувшись сообрази, что это сны мучили тебя; и бодрствуя, гляди на это, как ты глядел на то.

32. Из тела я и души. Ну, телу — все безразлично, потому что оно различать не может, разумению же безразлично то, что не является его

деятельностью, а все, что есть его деятельность, уже от него зависит. Впрочем, даже из этого оно озабочено лишь тем, что в настоящем, ибо будущие его действия или прошлые также безразличны.

33. Не против природы труд для руки или ноги, покуда нога делает ножное, а рука — все ручное. Точно так и человеку, как человеку, не против природы труд, пока он делает человеческое. А не против природы, так и не беда.

34. Какими наслаждениями наслаждались насильники, развратники, терзатели своих отцов, тираны.

35. Не видишь ты разве, как простые ремесленники, хоть и прилаживаются в какой-то мере к обывателям, но тем не менее держатся разумения своего искусства и не отходят от него. Так не страшно ли, если лекарь или строитель больше будут трепетать перед разумением своего искусства, чем человек перед собственным разумом, который у него един с богами?

36. Азия, Европа — закоулки мира. Целое море — для мира капля. Афон — комочек в нем. Всякое настоящее во времени — точка для вечности. Малое все, непостоянное, исчезающее. Все оттуда идет, либо устремляясь прямо из общего ведущего, либо как сопутствующее. И личная пасть, и отравы, и всякое злодейство точно так же, как колючка или грязь, есть некое последующее сопутствие тем строгим и прекрасным вещам. Так не представляй же себе это чуждым тому, что ты чтешь. Нет, о всеобщем источнике помышляй.

37. Кто видит нынешнее, все увидел, что и от века было и что будет в беспредельности времен — ведь все однородно и однообразно.

38. Чаше помышляй об увязанности всего, что есть в мире, и об отношении одного к другому. Потому что некоторым образом все сплетается одно с другим и все поэтому мило одно другому. Ведь одно другому сообразно благодаря напряженному движению, единодыханию и единению естества.

39. Какие уж привелись обстоятельства, к тем и прилаживайся, и какие выпали люди, тех люби, да искренно!

40. Орудие, приспособление, горшок любой, если делает, ради чего устроен, так и ладно. А ведь их устроитель, где он? В том же, что соединено природой, живет внутри устроившая все сила. Оттого и надо особенно перед ней трепетать и полагать, что если ты ведешь

жизнь, следуя её воле, то и тебе всецело по уму, и у всецелого все по уму.

41. Если положишь себе за благо или зло что-нибудь, что не в твоей воле, то, как только будешь ввергнут в такую беду или не дается тебе такое вот благо, неизбежно станешь бранить богов, а людей ненавидеть за то, что стали или, как ты подозреваешь, могут стать причиной того, что ты ввергнут или не далось. И много же мы творим зла из-за такого различия. Если же будем заниматься только тем благом и злом, что зависят от нас, то нет никакой причины ни бога винить, ни на человека восстать как на врага.

42. Все мы служим единому назначению, одни сознательно и последовательно, другие — не сознавая. Вроде того, как Гераклит называет и спящих работниками и сотрудниками мировых событий. Всякий здесь трудится по-своему, и с избытком — тот, кто сетует и пытается противостоять и уничтожать то, что сбывается, потому что и в таком нуждается мир. Ты пойми уж на будущее, с кем становишься в ряд. Потому что тот, всем управляющий, в любом случае распорядится тобой прекрасно и примет тебя как некую часть в сотрудничество и содействие. Смотри только, не стань такой частью, как дешевый смехотворный стих в пьесе, о каком говорит Хрисипп.

43. Разве солнце берется за дело дождя? или Асклепий за дело Плодоносящей? а звезды? отличаясь одна от другой, не сотрудничают ли в одном деле?

44. Если уж боги рассудили обо мне и о том, что должно со мной случиться, так хорошо рассудили — ведь трудно и помыслить безрассудное божество, а стремиться мне зло делать какая ему причина? ну какой прок в этом им или тому общему, о коем всего более их промысл? И если они обо мне в отдельности не рассудили, то про общее уж конечно рассудили, так что я должен как сопутствующее и то, что со мной сбывается, принять приветливо и с нежностью. Если же нет у них ни о чем рассуждения (верить такому несправедно), то давайте ни жертв не станем приносить им, ни молиться, ни клясться ими, и ничего, что делаем так, будто боги здесь и живут с нами вместе. И если они не рассуждают ни о чем, что для нас важно, тогда можно мне самому рассудить, что мне полезно. А полезно каждому то, что по его строению и природе, моя же природа разумная и гражданственная.

Город и отечество мне, Антонину, — Рим, а мне, человеку, — мир. А значит, что этим городам на пользу, то мне только и благо.

45. Что бы ни случилось с чем-либо, полезно целому. Довольно бы и этого. — Однако если проследишь, то увидишь также: и то, что с человеком или с людьми. А то, что принято называть пользой, следует относить к средним вещам.

46. Как претят тебе все одни и те же картины амфитеатра и других мест в том же роде, на однообразии которых несносно глядеть, точно так и в отношении жизни в целом пойми: все сверху донизу одно и то же, из того же все. До каких же пор?

47. Постоянно помышляй о самых разных людях самых разных занятий и самых разных народов, что они умерли, так чтобы дойти до Филистиона и Феба и Ориганиона. Потом переходи к другим племенам: надлежит всем подвергнуться превращению там, где столько уже искусных витий, столько строгих мыслителей — Гераклит, Пифагор, Сократ, а ещё раньше сколько героев, сколько потом полководцев, владык. А затем ещё Евдокс, Гиппарх, Архимед, другие изошренные дарования, уверенные в себе, трудолюбивые, хитрые, надменные, ещё и насмежавшиеся над тленной, мгновенной жизнью человеческой, как Менипп, и сколько их было! О них обо всех помышляй, что давно уж лежат.

И что им в этом плохого? Хоть бы и тем, кого не упоминают вовсе? Одно только и стоит здесь многого: жить всегда по правде и справедливости, желая добра обидчикам и лжецам!

48. Когда хочешь ободрить себя, помысли различные преимущества твоих современников: предприимчивость этого, скромность того, щедрость третьего, у другого ещё что-нибудь. Ведь ничто так не ободряет, как явленное в нравах живущих рядом людей воплощение доблестей, особенно когда они случаются вместе. Вот почему стоит держать их под рукой.

49. Разве ты сетуешь, что в тебе столько вот весу, а не в два раза больше? Точно так же, что вот до стольких лет тебе жить, а не больше. Как ты довольствуешься, сколько определено тебе естества, так и с временем.

50. Ты пытайся убедить их, но действуй хотя бы и против их воли, раз уж ведет тебя к этому рассуждение справедливости. Если же кто этому противится грубой силой, переходи к благорасположению и

беспечалию, а заодно воспользуйся препятствием ради иной доблести, и помни, что ты устремляешься небезоговорочно, что невозможного ты и не желал. — Тогда чего же? — Такого вот устремления. — Это получаешь. На что приведены, то сбывается.

51. Тщеславный признает собственным благом чужую деятельность, сластолюбец — своё переживание, разумный — собственное деяние.

52. Можно не дать этому никакого признания и не огорчаться душой, потому что не такова природа самих вещей, чтобы производить в нас суждения.

53. Приучи себя не быть невнимательным к тому, что говорит другой, и вникни сколько можешь в душу говорящего.

54. Что улью не полезно, то пчеле не на пользу.

55. Если б хулили моряки кормчего, а больные врача, кого б потом держались, и как ему самому доставлять тогда спасение плавающим или здоровье врачуемым?

56. С кем я вошел в мир — сколько уж их ушло.

57. Больному желтухой мед — горькое, укушенному бешеным животным вода — страшное, для детей мячик — прекрасное. Что ж я сержусь? Или кажется тебе, что заблуждение безвреднее, чем желчь у желтушного и яд у бешеного?

58. По разуму твоей природы никто тебе жить не воспрепятствует; против разума общей природы — ничто с тобою не произойдет.

59. Каковы те, кому они хотят нравиться, для каких свершений и какую деятельность; как быстро век все укроет и сколько уже укрыв.

Седьмая книга

1. Порок — что такое? То, что ты часто видел. И при всем, что случается, пусть у тебя под рукой будет: вот — то, что ты часто видел. Вообще вверху, внизу найдешь все то же — то, чем полны предания древних, средних, недавних времен, чем и теперь полны города и жилища. Ничто не ново, все и привычно, и недолговечно.

2. Основоположения могут ли отмереть, если только не угаснут соответствующие им представления? А разжечь их снова — от тебя же зависит. Могу я здесь как следует применить признание? Раз могу, что же смущаюсь? ведь то, что вне моего разума, то вообще ничто для моего разума. Пойми это, будешь прям. А обновление для тебя возможно — смотри только на вещи снова так, как уже начинал видеть их, — в этом обновление.

3. Тщета пышности, театральные действия, стада, табуны, потасовки; кость, кинутая псам; брошенный рыбам корм; муравьиное старанье и гаскакье; беготня напуганных мышей; дерганье кукол на нитках. И среди всего этого должно стоять благожелательно, не заносясь, а только сознавая, что каждый стоит столько, сколько стоит то, о чем он хлопочет.

4. Надо осознавать, что говорится — до единого слова, а что происходит — до единого устремления. В одном случае сразу смотреть, к какой цели отнесено, а в другом уловить обозначаемое.

5. Хватает у меня разумения на это или нет? Если хватает, то оно и служит мне в деле как орудие, данное мне природой целого. Если же не хватает, то либо уступлю дело тому, кто способен лучше с ним справиться, раз уж не выходит иначе, либо делаю, как могу, объединившись с тем, кто способен помочь моему ведущему сделать то, что сейчас важно для общей пользы. Ведь что бы я ни делал сам или с чьей-либо помощью, только о том и следует заботиться, что пригодно и подходит для общества.

6. Сколько их, прославленных, предано уж забвению. Да и те, что прославили, с глаз долой.

7. Не стыдись, когда помогают; тебе поставлена задача, как бойцу под крепостной стеной. Ну что же делать, если, хромый, ты не в силах один подняться на башню, а с другим вместе это возможно?

8. Пусть будущее не смущает, ты к нему придешь, если надо будет, с тем самым разумом, который теперь у тебя для настоящего.

9. Все сплетено одно с другим, и священна эта связь, и ничего почти нет, что чуждо другому. Потому что все соподчинено и упорядочено в едином миропорядке. Ибо мир во всем един, и бог во всем един, и естество едино, и един закон — общий разум всех разумных существ, и одна истина, если уж одно назначение у однородных и единому разуму причастных существ.

10. Все, что вещественно, не медлит исчезнуть во всеобщем естестве, и все причинное немедленно приемлется всеобщим разумом, и воспоминание обо всем не медля погребается вечностью.

11. Для разумного существа, что содеяно по природе, то и по разуму.

12. Исправен или исправлен.

13. Что в единенных телах суставы тела, то же по смыслу среди разделенных тел — разумные существа, устроенные для некоего единого сотрудничества. Осознание этого скажется у тебя больше, если почаще будешь говорить себе, что вот я — сустав в совокупности разумных существ. А если ты так говоришь, что ты просто в составе целого, то значит ещё не любишь людей от всего сердца, и радость от благодеяния тобою ещё не постигнута; и ещё ты делаешь его просто как подобающее, а не так, как благодетельствующий самого себя.

14. Пусть любое выпадает извне тому, что может пострадать, когда ему это выпало; наверное само пострадавшее и посетует, если ему угодно. Я же, если не признаю, что происшедшее — зло, никак не пострадал. А ведь мне дано не признавать.

15. Кто бы что ни делал, ни говорил, а я должен быть достойным. Вот как если бы золото, или изумруд, или пурпур все бы себе повторяли: кто бы что ни делал, ни говорил, а я должен быть изумруд и сохранять свой собственный цвет.

16. Ведущее самому себе не досаждаёт — скажем, не пугает себя по собственной прихоти. А если кто другой может его напугать или опечалить, пусть попытается, потому что оно само не пойдет сознательно на такой разворот. Твое тело само пусть печется, если может, чтобы ему как-нибудь не пострадать, и пусть само рассказывает, как оно там страдает. А вот твоя душа, хоть её и пугают и печалют, всецело распоряжаясь признанием в этих делах, пусть никак

не страдает — ты не доведешь её до такого суждения. Ведущее само по себе ни в чем не нуждается, если не сотворит себе нужды, точно так же оно невозмутимо и не знает помех, если само себя не возмутит и себе же не помешает.

17. Блаженство — это благое божество или благое ведущее. Так что же ты тут делаешь, представление? Иди, добром прошу, откуда пришло, потому что ты мне не нужно. Ну да, ты пришло по старому обыкновению, я не сержусь — только уйди.

18. Страх превращения? А может ли что происходить без превращения? Что любезнее и свойственнее природе целого? Сам ты можешь ли хоть вымыться, если не превратятся дрова? Или ты можешь напиться, если не превратится еда? Хоть что-нибудь нужное может ли совершиться без превращения? Так разве не видишь ты, что и твоё превращение — нечто сходное и сходным же образом необходимое для природы целого?

19. В естестве целого словно в потоке передвигаются все тела, соприрод-ные целому и с ним сотрудничающие, как наши части одна с другой.

Сколько уже Хрисиппов, сколько Сократов поглотила вечность, сколько Эпиктетов! Это же пусть явится тебе и обо всяком другом и человеке, и деле.

20. Меня одно-единственное касается: как бы самому мне не сделать такого, чего не желает строение человека, или так, как оно не желает, или чего сейчас не желает.

21. Недалеко забвение: у тебя — обо всем и у всего — о тебе.

22. Любить и тех, кто промахнулся, — это свойственно человеку. А это получится, если учтешь и то, что все — родные, заблуждаются в неведении и против своей воли, и что вы скоро умрете оба, а более всего, что не повредил он тебе, ибо ведущее твоё не сделал хуже, чем оно было прежде.

23. Природа целого из всего, что есть, словно из воска, слепила коня какого-нибудь, потом смешала это и взяла вещество для древесной природы, а там, положим, для человека, после ещё на что-нибудь. И всякий раз это очень ненадолго. И не страшнее ларцу быть сломанным, чем быть собранным.

24. Озлобленное лицо очень уж не согласно с природой; если она часто замирает или является видимостью, она в конце концов угаснет,

так что невозможно будет её разжечь. Поэтому старайся осознавать, что это противно разуму. Ведь если уйдет ощущение своего заблуждения, тогда жить зачем?

25. Все, что видишь, вот-вот будет превращено природой-распорядительницей всего; она сделает из того же естества другое, а из того ещё другое, чтобы вечно юным был мир.

26. Если кто чем-нибудь погрешил против тебя, сразу подумай: что он, делая это, признавал добром и злом? Это усмотрев, пожалеешь его без изумления или гнева. Ведь либо ты и сам ещё считаешь добром то же или почти то же самое, что и он — тогда надо прощать; либо ты уже не признаешь добром и злом всякое такое, и тогда тебе не так уж трудна будет благожелательность к менее зоркому.

27. Не мыслить отсутствующее как уже существующее; счесть, сколько превосходного в настоящем, и в связи с этим напоминать себе, как бы оно желанно было, если б его не было. С другой стороны, остерегайся, как бы вот этак радуясь, не привыкнуть тебе настолько это ценить, чтобы смутиться, утратив это.

28. Крепись в себе самом. Разумное ведущее по природе самодостаточно, если действует справедливо и тем самым хранит тишину.

29. Сотри представление. Не дергайся. Очерти настоящее во времени. Узнай, что происходит, с тобой ли или с другим. Раздели и расчлени предметы на причинное и вещественное. Помысли о последнем часе. Неправо содеянное оставь там, где была неправота.

30. Сопутствовать мыслью тому, что говорится. Погружать мысль в то, что происходит и производит.

31. Просветлись простотой, скромностью и безразличием к тому, что среднее между добродетелью и пороком. Полюби человеческую природу. Следуй за богом. Говорит философ: Всецело по обычаю, а по правде только первостихии. Но довольно помнить: Всецелое — по своему обычаю. Вот уж совсем мало.

32. О смерти: или рассеянье, если атомы, или единение, и тогда либо угасание, либо переход.

33. О боли: что непереносимо, уводит из жизни, а что затянулось, переносимо. И мысль через обретение себя сохраняет свою тишину, и ведущее не станет хуже. А раз уж какие-то части пострадали от боли, то пусть, если могут, сами заявят об этом.

34. О славе. Рассмотрю их разумение, каково оно, чего избегает и за чем гонится. А ещё: как морской песок опять и опять ложится поверх прежнего, так прежнее в жизни быстро заносится новым.

35. «У кого есть мысль великолепная и созерцающая время и бытие в целом, тому человеческая жизнь представится ли, как ты думаешь, чем-нибудь значительным? — Исключено, сказал тот. — Так, видно, и смерть для такой мысли не покажется чем-то ужасным? — Ни в коем случае».

36. Творя добро, слыть дурным — царственно.

37. Безобразно, когда послушное лицо соблюдает вид и порядок по воле разумения, а в самом-то разумении ни вида, ни порядка.

38. На ход вещей нам гневаться не следует — Что им за дело?!

39. Дай же бессмертным богам и нам, земнородным, отраду.

40. Жизнь пожинать, как в пору зрелый злак, — Того уж нет, а тот стоит.

41. Пренебрегли детьми и мною боги — что ж, Знать, есть и в этом смысл.

42. Ибо благо со мной и правда со мной.

43. Не рыдай с другим, не задыхайся.

44. «А я, пожалуй, справедливо отвечу ему таким словом, что нехорошо ты, друг, считаешь, если думаешь, что человек, который вообще на что-нибудь годен, должен прикидывать, жить ему или умереть (от чего проку мало), а не смотреть единственно на то, справедливо ли он действует или несправедливо, как достойный человек или дурной».

45. «В том, мужи афиняне, и правда — где кто-либо сам же себя сочтет за лучшее поставить или где его поставит начальник, там, думается мне, ему и встречать опасность, не принимая в расчет смерть или другое что, а только постыдное».

46. «А ты взгляни-ка, счастливец: разве смелое и благое — в том, чтоб сохранять и сохраняться? Вот от этого-то, чтобы жить, скажем, столько-то времени, настоящему человеку надо отказаться и не дрожать за жизнь, но вверившись в этом деле богам и поверив старухам, что от судьбы никуда не уйдешь, думать больше о том, как бы положенный срок прожить как можно достойнее».

47. Смотреть на бег светил, ведь и ты бежишь вместе, и мыслить непрестанно о превращении одной стихии в другую. Ибо такие

представления очищают от праха земной жизни.

48. Прекрасно это у Платона. И когда о людях судишь, надо рассматривать все наземное как бы откуда-то сверху: поочередно стада, войска, села, свадьбы, разводы, рождение и смерть, толчею в судах, пустынные места, пестрые варварские народы, праздники, плач, рынки, совершенную смесь и складывающийся из противоположностей порядок.

49. Вновь видеть то, что уже прошло. Сколько держав пережили превращение! Видеть вперед, что будет — тоже возможно. Оно ведь конечно будет единообразно и не уйдет от лада настоящего. Оттого и равно, изучать ли жизнь человеческую сорок лет или же тысячелетиями. Ну что ещё ты увидишь?

50.

... И то, что землей рождено,
В нее же уйдет, а эфира дитя
Вернется обратно в небесный предел

или так: распадение переплетений атомов и какое-то такое расточение бесчувственных первостихий.

51. Еще:

Едой, питьем и разными заклятьями
Поток отводят, смерти уклоняются...
А бурю, рожденную в лоне богов,
Сносить суждено нам без жалоб.

52. Скорее стремящийся возобладать, чем служить общественно; не почтительный, не подчинившийся происходящему, не снисходительный к недосмотрам ближних.

53. Там, где можно свершить дело по общему богам и людям разуму, там ничего нет страшного. Потому что где дано получить потребное от блаженно шествующей и поступающей сообразно с устроением деятельности, там не подозревай никакого худа.

54. От тебя везде и всегда зависит и благочестиво принимать как благо то, что сейчас с тобой происходит, и справедливо относиться к

тем людям, что сейчас с тобой, и обращаться по правилам искусства с тем представлением, которое у тебя сейчас, для того чтобы не вкралось что-нибудь, что не постигательно.

55. Не оглядывайся на чужое ведущее, а прямо на то смотри, к чему тебя природа ведет: природа целого с помощью того, что с тобой случается, а твоя — с помощью того, что надлежит тебе делать. А надлежит то, что сообразно устройению каждого, устроено же все прочее ради существ разумных, как и вообще худшее ради лучшего, а разумные существа — друг ради друга. Так вот, первостепенным в человеческом устройении является общественное. Второе — неподатливость перед телесными переживаниями, ибо свойство разумного и духовного движения — определять свои границы и никогда не уступать движениям чувств и устремлений, так как эти последние животны, духовное же движение хочет первенствовать, а не быть под властью. И по праву — ведь ему от природы дано ими всеми распоряжаться. Третье в разумном устройении — неопрометчивость и пронизательность. Так вот, держась этого, пусть ведущее шествует прямо и всем своим владеет.

56. А теперь нужно остаток жизни прожить по природе, как если бы ты, отжив своё, уже умер.

57. Любить только то, что тебе выпало и отмерено. Что уместнее этого?

58. При каждом событии иметь перед глазами тех, с кем случилось то же самое, а потом они сетовали, удивлялись, негодовали. А теперь где они? Нигде. Что же, и ты так хочешь? а не так, чтобы оставить чужие развороты души тем, кто разворачивает или разворачивается, а самому всецело заняться тем, как распорядиться этими событиями? Ведь распорядишься прекрасно, и это будет твой материал. Только держись и желай быть прекрасен перед самим собой, что бы ты ни делал. И помни как о том, так и о другом — безразлично то, от кого деяние.

59. Внутрь гляди, внутри источник блага, и он всегда может пробиться, если будешь всегда его откапывать.

60. Надо, чтобы и тело было собранным и не разбрасывалось, будь то в движении или в покое. Ведь подобно тому как мысль выражается на лице, сберегая его осмысленность и благообразие, так и от всего

тела должно требовать того же. И все это соблюдать с непринужденностью.

61. Искусство жить похоже скорее на искусство борьбы, чем танца, потому что надо стоять твердо и с готовностью к неожиданному, а не к известному заранее.

62. Внимательно рассматривать, кто они такие, те, чьих отзывов ты домогаешься, и каково их ведущее. Потому что ты не станешь бранить тех, кто ошибается против своей воли, и в свидетельстве их не будешь нуждаться, когда заглянешь в источники их признания и устремления.

63. Сказано: против воли лишается истины всякая душа. Точно так же и справедливости, здравомыслия, благожелательности и всего такого. И ничего нет важнее, как вспоминать об этом непрестанно — будешь со всеми тише.

64. При всякой боли пусть у тебя будет под рукой, что не постыдна она и что правительницу-мысль хуже не делает, так как не губит её ни в её вещественном, ни в общественном. И при любой почти боли пусть поможет тебе ещё и эпикурово: переносимо и не вечно, если помнишь о границах и не примысливаешь. Помни и о том, что многое, на что мы сетуем, втайне тождественно страданию — так с сонливостью, потением, с вялостью к еде. Так вот, когда ты раздражен чем-нибудь таким, говори себе, что поддался страданию.

65. Смотри, к нелюдям не относись так, как люди к людям.

66. Да откуда мы знаем, что душевный склад Телавга не был добротнее Сократова? Не довольно же, что кончина Сократа славнее, что он бойчее вел беседы с софистами, легче переносил ночные заморозки, а когда приказали привезти саламинца, решил, что это будет мужественно — воспротивиться, а ещё красовался на дорогах — всем этим вполне ещё можно заняться, как оно доподлинно было. Нет, здесь надо рассмотреть то, какова была душа Сократа и сумел ли он довольствоваться тем, чтоб быть справедливым к людям и праведным перед богами, не досадуя ни на что попусту и чужому неведению не рабствуя, ничуть не отчуждаясь от того, что уделает природа целого, и не соглашаясь на это словно невыносимое, и телесным страстям не предоставляя единострастный разум.

67. Не в такое сцепление замешала природа, чтобы нельзя было определить себе границу и себе подчинить все своё: она очень даже

допускает, чтобы человек дошел до божеского и при том остался не признан как таковой. Об этом всегда помни, а ещё о том, как мало надо, чтобы жить счастливо. Так что если ты изверился в своём знании диалектики или природы, не отказывайся из-за этого быть благородным, почтительным, общественным и послушным богу.

68. Прожить неприневоленно в совершенном благодущии, хотя бы кричали о тебе, что им вздумается, хотя бы звери раздирали члены вот этого вокруг тебя нарощего месива. Ведь разве что-нибудь мешает мысли сохранять свою тишину, благодаря истинному суждению об окружающем, а также готовности распоряжаться именно тем, что ей выдалось? Так, чтобы суждение говорило тому, что ему выпадает: ты — естественно, хотя и покажешься не таким; а то, что распоряжается, говорило бы тому, что ему подпадает: а вот и ты, потому что для меня всегда именно настоящее предмет разумной и общественной доблести и вообще искусства человеческого и божественного. Ибо все, что случается, с богом или человеком — по их расположению, и нет в нем ничего нового или несподручного, а все знакомо и исполнимо.

69. Совершенство характера — это то, чтобы всякий день проводить как последний, не возбуждаться, не коснеть, не притворяться.

70. Боги бессмертны, а не сетуют, что уж придется им целую вечность терпеть вечно великое множество прескверных людей; более того, боги всячески о них заботятся; а ты, который вот-вот прекратишься, зарекаешься — ты, из скверных один.

71. Смешно это: собственной порочности не избегать, хоть это и возможно, а чужую избегать, что никак невозможно.

72. Что разумная и гражданственная сила находит не духовным и не общественным, то она по праву считает весьма ей уступающим.

73. Ты сделал добро, другому — сделано добро. Что же ты, как безумец, ищешь что-то третье сверх этого? чтобы ещё и знали, как хорошо ты сделал, или чтобы возмещение получить?

74. Благодетельствуемый не устаёт. Благодетельство есть деяние, согласное с природой. Так не уставай же, благодетельствуя, благодетельствовать себе.

75. Природа целого устремилась к миропорядку. И теперь, что ни происходит, либо происходит последственно, либо лишено всякого смысла даже и самое главное, к чему собственно устремляется

всемирное ведущее. Вспомнишь это, и много тише будет у тебя на душе.

Восьмая книга

1. Против тщеславия ещё и то помогает, что уж не можешь сказать, будто прожил как философ всю жизнь или хоть с юности — нет, и людям, и тебе самому явственно, что далек ты от философии. Ты погряз, и теперь нелегко снискать славу философа, да и положение ничуть не способствует. А потому, если ты по правде увидел, в чем дело, так уж оставь то, каков покажешься другим; довольно тебе, если проживешь, сколько тебе там остается, так, как хочет твоя природа. Вот и рассмотри, чего она хочет, и пусть ничто другое тебя не трогает — изведаль же ты, как после стольких блужданий ты нигде не обрел счастливой жизни: ни в умозаклечениях, ни в богатстве, ни в славе, ни в удовольствии — нигде. Тогда где ж она? В том, чтобы делать, чего ищет природа человека. А как ему сделать это? Держаться основоположений, из которых устремления и деяния. Каких основоположений? О добре и зле: нет человеку добра в том, что не делает его справедливым, здравомысленным, мужественным, свободным, и никакого нет зла в том, что не делает противоположного этому.

2. При всяком деянии спрашивай себя: подходит ли оно мне? не раскаюсь ли? Немного — и все кончено, и не станет ничего. Так чего же ещё искать, кроме нынешнего дела для существа разумного, общественного и равноправного с богом?

3. Но Александр, Гай, Помпеи — что они рядом с Диогеном, Гераклитом, Сократом? Эти видели вещи, их причины и вещество, и ведущее их оставалось самим собой; а там, сколько прозорливости, столько же и рабства.

4. 5. Что они будут делать все то же, хоть разорвись. Во-первых, уйди от смятения, потому что все по природе целого, и в скором времени будешь никто и нигде, как Адриан, как Август. А потом: уставившись на дело, на него гляди и, припомнив, что должно тебе быть человеком достойным и чего требует от человека природа, делай это без оглядок и говори, как представляется тебе всего справедливее — только доброжелательно, совестливо, непритворно.

6. Природа целого занята тем, чтобы переложить отсюда туда, превратить, оттуда взять, сюда принести; одни развороты —

небывалого не опасайся; все привычно, да и равны уделы.

7. Всякая природа довольна, когда шествует благим путем. А разумная природа шествует благим путем, когда не дает согласия на ложное или неясственное в представлениях, устремления направляет только на деяния общественные, а желания и уклонения оставила при том, что зависит только от нас, и приветствует все, что идет от всеобщей природы. Ведь она часть целого, как природа листа — часть природы растения. Только природа листа — часть природы бесчувственной, неразумной и подвластной помехам, человеческая же природа — часть природы невредимой, духовной и справедливой, раз уж она всякому дает равные и достойные уделы времени, естества, причинного, деятельности, обстоятельств. Разумеется, здесь смотри не на то, чтобы равенство было во всякой частности, а на то, что все вкуче у одного отвечает всему вместе в другом...

8. Читать невозможно, но гордыню отгеснить можно, но одолевать наслаждение и боль можно, но быть выше славы их можно, на бесчувственных и неблагодарных не гневаться, а ещё заботиться о них — можно.

9. И чтобы никто от тебя не слышал больше, как ты хулишь жизнь при дворе — и сам ты от себя.

10. Раскаяние, когда спохватишься, что упустил нечто дельное; а ведь доброе — это непременно нечто дельное, и человеку достойному и прекрасному следует стараться о нем. Но ведь прекрасный и достойный человек не может раскаиваться, что он упустил какое-нибудь наслаждение, а следовательно, наслаждение и не дело, и не благо.

11. Это вот — что оно само по себе в своём строении? что в нем естественно и вещественно? что причинно?! что оно делает в мире? как долго существует?

12. Когда тяжело просыпаться, вспомни, что это по твоему строению и по человеческой природе — производить общественные деяния, а спать — общее с существами неразумными; а что кому по природе, то и располагает больше, то ему и сродни и более того — ему заманчиво.

13. Постоянно и при всяком, по возможности, представлении вести рассуждение о природе, страстях, познании.

14. Кого ни встретишь, говори себе наперед: каковы у этого основоположения о добре и зле? Ведь если о наслаждении и боли и о том, что их вызывает, если о славе, бесславьи, жизни и смерти он держится, скажем, таких вот положений, то для меня не будет удивительно или странно, когда он поступит так вот и так; я же не забуду, что так он вынужден поступать.

15. Помни: как постыдно изумляться, что смоковница смокву приносит, так же и когда мир что-либо приносит из того, чем плодоносен. Вот врачу или кормчему стыдно же дивиться, если кто в горячке или ветер подул в лицо.

16. Помни, что и перемениться, и последовать тому, что тебя поправляет, равно подобает свободному. Ибо это твоё дело свершается, по твоему же устремлению и суждению, да и по твоему же уму.

17. Если от тебя зависит, зачем делаешь? Если от другого, на кого негодуешь? На атомы? или на богов?! Безумно в обоих случаях. Никого не хулить. Если можешь, поправь его; этого не можешь, тогда хоть само дело. И этого не можешь, так к чему твоё хуление? А просто так ничего делать не надо.

18. Что умерло, вне мира не выпадает. А если здесь остается, то и превращается здесь же, и распадается на собственные первостихии — мировые и твои. Они тоже превращаются — и не скулят.

19. Все рождено для чего-то: конь, лоза. Что же ты изумляешься? Солнце — оно скажет: я вот для чего рождено. Так и другие боги. А для чего ты? Наслаждаться? Ты погляди, держится ли эта мысль.

20. Всякая природа наметила прекращение ничуть не меньше, чем начало и весь путь, как тот, кто подбрасывает мяч. Ну и какое же благо, что полетел мячик вверх, и какое зло, что вниз полетел или упал? Благо ли пузырю, что он возник? что лопнул — беда ли? И со светильником так.

21. Выверни и взгляни, каково оно и каким становится старое, больное, потасканное.

Кратковечность какая и тот, кто хвалит, и тот, кого; и тот, кто помнит, и кого. Это в нашем закоулке, и то не все согласны друг с другом и каждый с самим собой. А и вся-то земля — точка.

22. Держись предмета — основоположения, или деятельности, или обозначаемого. Ты заслужил это и ещё предпочитаешь завтра стать хорошим, а не сегодня быть.

23. Делаю что-либо? делаю, сообразуясь с благом людей. Происходит что со мной? принимаю, сообразуясь с богами и всеобщим источником, из которого выведено все, что рождается.

24. Вот каким тебе представляется мытье: масло, пот, муть, жирная вода, отвратительно все. Так и всякая другая часть жизни и всякий предмет.

25. Луцилла Вера, потом Луцилла; Секунда Максима, потом Секунда; Эпитинхан Диотима, потом Эпитинхан; Фаустину Антонин, потом Антонин. И все так. Целер Адриана, потом Целер. А эти острые, знающие все наперед, самоослепленные — где они? А ведь остры были Харакс и Де-метрий Платоник, и Евдемон, и кто там ещё. И все мимолетно, все давно умерло. Иных вовсе не вспоминали, другие превратились в баснословие, об иных и басни скоро забудутся. Об этом помнить, потому что придется либо рассеяться твоему составу, либо угаснуть твоему дыханию, либо переместиться и быть поставленным в другое место.

26. Радость человеку — делать то, что человеку свойственно. А свойственна человеку благожелательность к соплеменникам, небрежение к чувственным движениям, суждение об убедительности представлений, созерцание всеобщей природы и того, что происходит в согласии с ней.

27. Троякое отношение: к сосуду, облегающему нас; к божественной причине, от которой происходит со всеми все; и к другим людям.

28. Страдание либо телу зло — пусть тогда само заявит; либо душе. Но в её власти сохранить ясность и тишину и не признавать, что зло. Ибо всякое суждение, а вместе и стремление, желание или уклонение находятся внутри, и никакое зло сюда не подымается.

29. Стирай представления, упорно повторяя себе: сейчас в моей власти, чтобы в этой душе не было никакой низости, или вожделения, или вообще какого-нибудь смятения. Нет, рассматривая все, каково оно есть, всем распоряжаюсь по достоинству. Помни об этой от природы данной власти.

30. И в сенате, и с кем угодно вести беседу благопристойно, не вычурно — здоровой пусть будет речь.

31. Двор Августа, жена, дочь, внуки, пасынки, сестра, Агриппа, родственники, домашние, друзья, Арий, Меценат, врачи, жрецы-

гадатели — смерть всего этого двора. Потом переходи к другим и не так, чтобы смерть людей по отдельности, а вроде как Помпеи. А ещё то, что пишут на памятниках: Последний в роду. Прикинуть, сколько терзаний было у предков о каком-нибудь наследнике, а потом и то, что должен же кто-нибудь быть последним. А потом опять смерть всего рода.

32. Надо складывать жизнь от деяния к деянию, и если каждое получает, по возможности, своё, этим довольствоваться. А чтобы оно своё получило, никто тебе воспрепятствовать не может.

— Станет внешнее что-нибудь на пути. — Так ведь против «справедливо», «здравомысленно», «рассудительно» это ничто. А если и воспрепятствует чему-нибудь действительному, то самым благорасположением к этому препятствию и благожелательностью перехода к тому, что налицо, тотчас навстречу выступит другое действие, прилаженное к тому распорядку, о котором речь.

33. Брать без ослепления, расставаться с легкостью.

34. Видал ты когда-нибудь отрубленную руку, или ногу, или отрезанную голову, лежащую где-то в стороне от остального тела? Таким делает себя — в меру собственных сил — тот, кто не желает происходящего и сам же себя отщепляет или творит что-нибудь противное общности. Вот и лежишь ты где-то в стороне от природного единения, ты, который родился как часть его, а теперь сам себя отрубил. Но вот в чем здесь тонкость: можно тебе воссоединиться снова. Этого бог не позволил никакой другой части, чтобы сперва отделиться и отсечься, а потом сойтись. Ты посмотри, как это хорошо он почтил человека: дал ему власть вовсе не порывать с целым, а если порвет, то дал прийти обратно, срастись и снова стать частью целого.

35. Вообще по своим способностям всякое разумное существо — примерно то же, что природа разумных существ. Вот и это мы от нее взяли: как она включает все, что становится на пути или против идет, вмещает это в свою судьбу и делает частью себя самой, так и разумное существо может всякое препятствие сделать собственным материалом и распоряжаться им по исходному устремлению.

36. Пусть не смущает тебя представление о жизни в целом. Не раздумывай, сколько ещё и как суждено, наверное, потрудиться впоследствии. Нет, лучше спрашивай себя в каждом отдельном случае: что непереносимого и несносного в этом деле? Стыдно будет

признаться! А потом напхни себе, что не будущее тебя гнетет и не прошлое, а всегда одно настоящее. И как оно умалается, если определишь его границу, а мысль свою изобличишь в том, что она такой малости не может выдержать.

37. Что, сидит ли у могилы своего господина Панфия или Пергам? Или, может, Хабрий и Диотим у Адриана?! — Смешно. Ну а сидели бы, так те бы чувствовали? ну а почувствовали бы, так и возрадовались? а возрадовались бы, так бессмертны бы стали? Не суждено разве было и этим сперва сделаться старухами и стариками, а там и умереть? и что же делать тем после того, как умерли эти? Все это мешок смрада и грязи.

38. Если способен остро смотреть, смотри, как сказано, с суждением, взглядом мудрости.

39. Не вижу в устроении разумного существа тон добродетели, которая противостояла бы справедливости; а вот наслаждению — вижу: воздержность.

40. Не признаешь того, что, казалось, причиняет тебе печаль, и вот сам ты уже в полной безопасности. — Кто это сам? — Разум. — Так я же не разум. — Будь. И пусть разум себя самого не печалит. А если чему-нибудь там у тебя плохо, пусть оно само за себя признается.

41. Помеха в ощущениях — беда животной природы. Помеха устремлению также беда животной природы. Знает такие помехи и беды также и растительное устроение. Вот и помеха разуму — беда разумной природы. Все это переноси на себя. Боль, наслаждение тебя коснулись? Ощущение рассмотрит. Вышла стремлению препона? Если ты устремился безоговорочно, это уж точно беда разумного существа. Но если считаешься с общим, то нет ни вреда, ни помехи. Ибо тому, что принадлежит разуму, другой никогда не помешает; не касаются его ни огонь, ни железо, ни тиран, ни клевета, ничто вообще; коль станет круглым сфером, им останется.

42. Хоть не достоин, а никак себя не печалить; я ведь и другого никогда по своей воле не опечалил.

43. У всякого своя радость. У меня вот — когда здраво моё ведущее и не отвращается ни от кого из людей и ни от чего, что случается с людьми, а напротив, взирает на все доброжелательным взором, все приемлет и всем распоряжается по достоинству.

44. Ты подари себе вот это время. Кто гонится за славой в потомстве-, не учитывает, что те будут другие эти, которые в тягость, и тоже смертные. И вообще, что за дело тебе, какие они там издают звуки и как именно признают тебя?

45. Возьми и брось меня, куда хочешь — ведь и там будет со мной милостив мой гений, иначе говоря, удовольствуется состоянием или действием, сообразным собственному устройению. Ну стоит ли оно того, чтобы из-за этого была неблагополучна моя душа, чтоб была она себя самой хуже — низкая, желающая, сжавшаяся, пугливая? да найдешь ли ты что-нибудь, что стоило бы этого?

46. С человеком никак не может произойти то, что не есть человеческое дело, как и с быком случается только бычье, с виноградом — виноградное и с камнем то, что свойственно камням. А если со всяким случается то, к чему оно и привыкло, и рождено, что тут негодовать? Общая природа не принесла тебе ничего, что непереносимо.

47. Если тебя печалит что-нибудь внешнее, то не оно тебе досаждаёт, а твоё о нём суждение. Но стереть его от тебя же зависит. Ну а если печалит что-нибудь в твоём душевном складе, кто воспрепятствует тому, чтобы ты исправил основоположение? Если же ты все-таки опечален, не делая того, что представляется тебе здоровым, не лучше ли делать, чем печалиться? — Но тут препона из крепких. — Тогда не печалься, не в тебе, значит, причина неделания. — Так ведь жить не стоит, если это не делается. — Тогда уходи из жизни благожелательно, как умирает и тот, у кого делается, — да с кротостью перед препоной.

48. Помни, что необоримо становится ведущее, если, в себе замкнувшись, довольствуется собой и не делает, чего не хочет, даже если неразумно противится. Что уж когда оно само рассудит о чем-нибудь разумно, осмотрительно! Вот почему твердыня свободное от страстей разумение. И нет у человека более крепкого прибежища, где он становится неприступен. Кто этого не усмотрел — тот невежда, кто усмотрел, да не укрылся — несчастный.

49. Не говори себе ничего сверх того, что сообщают первоначальные представления. Сообщается, что такой-то бранит тебя. Это сообщается, а что тебе вред от этого, не сообщается. Вижу, что болен ребёнок. Вижу; а что он в опасности, не вижу. Вот так и

оставайся при первых представлениях, ничего от себя не договаривай, и ничего тебе не дается. А ещё лучше договаривай, как тебе все знакомо, что случается в мире.

50. Огурец горький — брось, колючки на дороге — уклонись, и все. Не приговаривай: и зачем это только явилось такое на свет? Потому что посмеется над тобой вникающий в природу человек, как посмеются плотник и скорняк, если осудишь их за то, что у них в мастерской видны стружки и обрезки изделий. Так ведь у них же есть хоть, куда выбросить это, а у всеобщей природы ничего нет вне её, и в том-то удивительность ремесла, что определив себе границы, она преобразует в самое себя все, что кажется изнутри гибнущим, устаревающим, ни на что не годным, а затем прямо из этого делает другое, молодое, так что не надобно ей запаса извне, не нужно и места, куда выбросить хлам. Она, значит, довольствуется своим местом, своим материалом и собственным своим ремеслом.

51. И в делах не теряться, и в речах не растекаться, и в представлениях не блуждать, душе не сжиматься вдруг или же из себя выскакивать; и в жизни досуга не потерять.

Убивают, терзают, травят проклятиями. Ну и что это для чистоты, рассудительности, здравости и справедливости мысли? Как если бы кто стоял у прозрачного, сладостного родника, и начал его поносить. Уже и нельзя будет пить источаемую им влагу? Да пусть он бросит туда грязь, а то и хуже — вода быстро рассеет все это, размочит и ни за что этим не пропитается. Как бы и тебе не колодцем быть, а таким вот родником?! — Если всякий час будешь соблюдать благородство — доброжелательное, цельное, скромное.

52. Кто не знает, что такое мир, не знает, где он сам. А кто не знает, для чего он рождён, не знает, ни кто он, ни что такое мир. А кто опустит что-нибудь из этого, не скажет и того, для чего сам он родился. Так кем же, скажи, представляется тебе тот, кто избегает или гонится за шумом похвал от тех, кто не знает, ни где они, ни кто такие?

53. Хочешь ты, чтобы тебя хвалил человек, который за один час трижды себя обругает? хочешь нравиться тому, кто сам себе не нравится? Или нравится себе тот, кто раскаивается почти во всем, что делает?

54. Как дыхание соединяет тебя с окружающим воздухом, так пусть разумение соединяет с окружающим все разумным, потому что

разумная сила разлита повсюду и доступна тому, кто способен глотнуть её, не менее, чем воздушно доступно тому, кто способен дышать.

55. Порок вообще миру никак не вредит, а в частности никак другому не вредит, и вреден только тому, кому вверено и удалиться от него, чуть только он этого пожелает.

56. Для моей воли воля ближнего столь же безразлична, как тело его и дыханье. Ибо хотя мы явились на свет прежде всего друг ради друга, однако ведущее каждого само за себя в ответе. Иначе порок ближнего был бы злом для меня, а не угодно было богу, чтобы я мог быть несчастлив от кого-либо, кроме себя самого.

57. Солнце, кажется, излилось и прямо залило все, а все-таки не вылилось. Ибо изливание это есть напряжение. Вот сияние его и называется лучи — то, что послано напряженным луком. А что за вещь луч, ты можешь увидеть, если рассмотришь, как солнечный свет проникает сквозь узкую щель в затененный дом: вообще он держится прямо и как бы разделяется у встреченного им плотного, отгородившего находящийся далее воздух; здесь луч останавливается, но не поскользнется, не упадет. Точно так должно литься и изливаться разумение, не проливаясь, а в напряжении; не обрушиваться насильственно и резко на всякое препятствие и не упадать, а стоять, освещая то, что его принимает. Ведь само же себя лишит сияния то, что не станет пересылать его.

58. Кто боится смерти, либо бесчувствия боится, либо иных чувствований. Между тем, если не чувствовать, то и беды не почувствуешь; если же обретишь иное чувство, то будешь иное существо и не прекратится твоя жизнь.

59. Люди рождены друг для друга. Значит переучивай — или переноси.

60. По-разному летят мысль и стрела; мысль, даже когда она осторожна или изворачивается, рассматривая что-либо, несется тем не менее прямо и к своему предмету.

61. Входить в ведущее каждого, да и всякому другому давать войти в твоё ведущее.

Девятая книга

1. Несправедливый нечестив. Потому что раз природа целого устроила разумные существа друг ради друга, чтобы они были в помощь друг другу сообразно своему достоинству и никоим образом друг другу не во вред, то всякий преступающий её волю нечестив, понятно, перед природой, старшим из божеств. Также и кто лжет, перед тем же божеством нечестив. Потому что природа целого — это природа сущего, а сущее расположено ко всему, что действительно. А ещё называют её истиной, и она первопричина всего, что истинно. Так вот, кто по своей воле лжет, нечестив, поскольку, обманывая, творит несправедливость; а кто невольно — поскольку впадает в разлад с природой целого и не миролюбив, раз противоречит мировой природе — ведь противоречит самому же себе несомый против истины, потому что получил он от природы побуждения, но пренебрегши ими уж и не способен отличить ложное от истинного. Ну а тот, кто гонится за наслаждениями, словно они благие и словно зла избегает мучения, нечестив, потому что такой неизбежно будет часто бранить общую природу, что она-де не по достоинству что-либо делит между негодными и достойными, ибо негодные часто наслаждаются и располагают тем, что производит наслаждение, а достойным выпадает мучение и то, что производит его. Кроме того — кто боится мучения, когда-нибудь убоится и чего-нибудь такого, чему должно произойти в мире — а это уже нечестие; также и тот, кто гонится за наслаждениями, не удержится от несправедливости — тут нечестие очевидно. Между тем к тому, что равно для общей природы (она же не производила бы как то, так и другое, если бы не равно ей было), должно так же ровно расположиться тем, кто хочет следовать природе, храня единомыслие с нею. Так вот, для кого не равны мучения и наслаждения, жизнь и смерть, бесславие или слава, которыми равно распоряжается природа, тот уж явственно нечестив. Я говорю, что общая природа распоряжается этим равно, вместо того, чтобы сказать, что это равно случается в сообразии с тем, что становится или сопутствует по некоему изначальному устремлению промысла, по которому природа от некоего начала устремилась к такому именно мироустроению, восприняв в своё лоно смыслы того, что будет, и

определив производящие силы именно таких возникновении, превращений и преемств.

2. Разумеется, весьма было бы изысканно уйти из жизни, не вкусив ни лживых речей, ни всяческого притворства, ни роскоши, ни ослепления. Испустить дух после того, как пресытился этим, — хорошо, но уж не так. Или решиться приложиться к пороку, так что и опыт не убеждает тебя бежать этой чумы? а ведь гибель разума больше чума, чем какая-нибудь там дурная смесь и разворот разлитого вокруг дыхания. Ибо то — чума живых существ, поскольку они живые, а это — чума людей, поскольку они люди.

3. Не презирай смерть, а прими как благо — ведь и она нечто такое, чего желает природа. Ибо каково быть молодым, старым, вырасти, расцвести, каково появление зубов, бороды, седины, каково оплодотворить, понести плод, родить и прочие действия природы, вызревающие в ту или иную пору твоей жизни, таково же и распасться. Вот как относиться к смерти человеку рассудительному, а не огульно, грубо и высокомерно; нет, ожидать её как одно из природных действий. И как сейчас ожидаешь, чтоб изошло дитя из утробы твоей жены, так надо встречать свой час, когда эта твоя душа выпадет из своей оболочки. Если же нужно тебе ещё и обывательское, сердечное подкрепление, то особенно сговорчивым со смертью сделает тебя рассмотрение тех предметов, с которыми ты расстаешься, и тех нравов, в которые она уже не будет впутана. Только ни в коем случае не ожесточаться против них, напротив, заботиться и сносить тихо. Но помнить все-таки, что не от единомышленников уходишь; ведь единственное (если вообще есть такое), что могло бы ещё привлекать и удерживать в жизни: жить в единении с людьми, пришедшими к таким вот основоположениям. А теперь, видишь, какой утомительный разлад в этой жизни. Только и скажешь: приди же скорее, смерть, чтобы мне и самому-то себя не забыть.

4. Погрешающий погрешает против себя; несправедливый, делая себя злым, себе же делает зло.

5. Часто несправедлив тот, кто не делает чего-либо, а не только тот, кто что-либо делает.

6. Довольно, что есть сейчас постигательное признание, есть общественное деяние, есть в душевном складе благорасположение ко всему, что происходит в соответствии с причинностью.

7. Стереть представление; устремление остановить; погасить желание; ведущее замкнуть в себе.

8. На существа неразумные разделена одна душа, а существам разумным уделена одна разумная душа, подобно тому как одна земля у всего земляного, и одним светом видим, одним воздухом дышим все, сколько есть нас видящих и одушевленных.

9. Что причастно некоей общности, спешит навстречу однородному. Что от земли — тяготеет к земле, все влажное — слиянно, так и воздушное; так что тут нужны бывают препоны, и сильные. Огонь, правда, устремляется вверх из-за первостихийного огня, однако он настолько готов возгораться вместе со всяким здешним огнем, что всякое вещество посуше хорошо возгорается, потому что меньше примешано к нему того, что возгоранию мешает. И уж, конечно, все, причастное общей духовной природе так же, если не больше, спешит к однородному, потому что насколько оно лучше прочих, настолько же более готово смешиваться и сливаться с тем, что ему родственно. Так вот, уже у неразумных были изобретены рой, стадо, семейные гнезда, едва ли не любовь. Там была уже душа, и нарастала в том, что лучше, единительная сила, какой не было ещё у растений, камней, бревен. Ну а у разумных существ — государственность, дружба, дома, собрания и даже во время войн договоры и перемирия. У существ, которые ещё лучше, даже при разделенном тел некоторым образом возникло единение — так у звезд. Вот как путь вверх, к лучшему, сумел произвести единострастие даже в разделенном. Смотри же, что теперь происходит: теперь только в разумном и забыто это усердие и склонность друг к другу, здесь только и не видна слиянность. И все же беглецы схвачены, потому как сильна природа. Присмотришься — увидишь, что я говорю. Легче найти землю, не прилепившуюся к земле, чем человека, отщепленного от человека.

10. Плодоношение у человека, и бога, и мира — в свой час приносят они всякий свой плод. И если в речи это стерто и говорится собственно о лозе и тому подобном, так это не важно. А разум приносит плод — и общий, и собственный; и рождается из него другое, такое же, каков сам разум.

11. Можешь — переучивай их, не можешь — помни, что на то и дана тебе благожелательность. Боги, те тоже благожелательны к таким,

в чем-то там даже помогают — в здоровье, богатстве, славе. Видишь, какие хорошие — и тебе так можно. Или скажи, кто тебе мешает?

12. Трудись, не жалуйся. И не из желания, чтобы сострадали, изумлялись; одного желай: двигаться и покоиться так, как почитает за достойное гражданственный разум.

13. Я вышел сегодня из всех испытаний, или, лучше, выбросил все испытания, потому что вовне их не было, а только внутри, в признаниях.

14. Все это для опыта обычно, по времени краткотечно, по веществу мутно, и все сейчас в точности так, как при тех, кого мы схоронили.

15. Вещи стоят за дверьми, сами по себе, ничего о себе не знают, ничего не заявляют. Что же заявляет о них? — Ведущее.

16. Не в переживаниях, а в деятельности добро и зло разумного гражданственного существа, как и добродетель его и порочность в деятельности, а не в переживаниях.

17. Подброшенному камню упасть не зло, да и вверх взлететь не такое уж благо.

18. Пройди к ним внутрь в их ведущее — увидишь, кто судьи, которых боишься, и как эти судьи себя же судят.

19. Все в превращении, и сам ты в вечном изменении, и в каком-нибудь отношении да гибнешь. И весь мир так.

20. Проступок другого надо оставить там.

21. Прекращение деятельности, стремления; прерыв и как бы смерть признания — не беда. Переходи теперь к возрасту: детскому, юношескому, к молодости, старости. Ведь и тут всякая перемена — смерть. Что, страшно? Переходи к жизни, которую ты вел у деда, потом у матери, затем у отца; и всюду находя ещё и другие различия, превращения, прекращения, спрашивай себя: что, страшно? А значит, то же и с прекращением, прерывом и превращением всей твоей жизни.

22. Ты беги к ведущему: твоему, всеобщему, этого человека. К своему, чтобы оно стало разумом правдолюбца; всеобщему — чтобы запомнить твердо, частью чего являешься; к ведущему того человека, чтобы знать, ведает или не ведает, а заодно осознать, что оно родственное.

23. Как ты сам — один из составляющих гражданскую совокупность, так и всякое твоё деяние пусть входит в состав

гражданской жизни. А если какое-нибудь твоё деяние не соотнесено — непосредственно или отдаленно — с общественным назначением, то оно, значит, разрывает жизнь и не дает ей быть единой; оно мятежно, как тот из народа, кто, в меру своих сил, отступает от общего лада.

24. Детские распри, забавы; душонки, таскающие своих мертвецов, — перед тобой действительный мир теней.

25. Обратись к качеству причинного и созерцай его, очертив границу с вещественным; определи затем и наибольший срок, который природой дан этому именно свойству.

26. Многое ты претерпел, не довольствуясь тем, чтобы твоё ведущее делало то, ради чего устроено. Довольно.

27. Если другой поносит тебя или ненавидит, если они что-то там выкрикивают, подойди к их душам, пройди внутрь и взгляни, каково у них там. Увидишь, что не стоит напрягаться, чтобы таким думалось о тебе что бы то ни было. Другое дело преданность им — друзья по природе. И боги им помогают всячески — снами, пророчествами; в том, разумеется, к чему те не безразличны.

28. Таков мировой обиход — вверх вниз, из века в век. Мировой разум либо устремляется на каждое дело, в каковом случае принимай то, в чем его устремленность; или он только однажды устремился, а остальное уже наследственно. Что — и в чем? ведь некоторым образом не то атомы, не то амеры! И в целом: если бог, то все хорошо, а если все наугад, то ты будь не наугад. Вот покроет нас всех земля, а там уж её превращение, затем опять беспредельно будет превращаться, а потом снова беспредельно. Пренебрежет всем смертным тот, кто осознает приливы этих перемен и быстроту превращений.

29. Причинность — мощный поток, все увлекает. Как убоги и государственные эти мужи, воображающие, что они философски действуют. Носы бы себе утерли! Знаешь ли, друг, ты делай-ка то, чего от тебя сейчас требует природа. Устремляйся, если дается, и не гляди кругом, знают ли. И на Платоново государство не надейся, довольствуйся, если самую малость продвинется. И когда хоть такое получится — за малое не почитай. Потому что основоположения их разве кто может изменить? А без перемены основоположений, это всего лишь рабство стенающих, которые только притворяются убежденными. Ты, давай, говори мне про Александра, Филиппа, про Деметрия Фалерского. Увидят, как они усмотрели, чего хочет общая

природа, и воспитали ль они себя. Если они играли, то никто не приговорил меня им подражать. Просто и скромно дело философа — не подталкивай меня к смешному ослеплению.

30. Сверху рассматривать эти великие тысячи стад и тысячи великих торжеств, и как по-разному плывут в бурю и в тиши; и различия всего, что становится, настало, перестало. Помысли и ту жизнь, что прожита до тебя, ту, что проживут после, и ту, которой ныне живут дикие народы. Сколько тех, кто даже имени твоего не знает, и сколько скоро забудут тебя; сколько тех, кто сейчас, пожалуй, хвалит тебя, а завтра начнут поносить. И сама-то память недорого стоит, как и слава, как и все вообще.

31. Невозмутимость перед тем, что происходит от внешней причины, справедливость — в том, что делается по причине, исходящей из тебя самого. Иначе говоря — устремление и деяние, завершающееся на самом общественном делании как отвечающем твоей природе.

32. Много лишнего ты можешь отрезать из того, что тебе досаждало, покоясь всецело на твоём признании. Столько обретешь простора для того, чтобы окинуть умом весь мир и свой век, чтобы осмысливать то, как быстро меняется какою-нибудь своей частью всякая вещь, как коротко все от рождения до распада, как зияет и до рождения, и после распада вечность.

33. Все, что видишь, скоро погибнет, и всякий, кто видит, как оно гибнет, скоро и сам погибнет. По смерти и долгожитель, и кто безвременно умер станут равны.

34. Каково их ведущее, из-за чего они хлопочут, за что они любят и почитают. Считай, что ты видишь их души в наготу. И когда им кажется, что они вредят, если поносят, или помогают, если хвалят, — какое самомнение!

35. Прекращение — не что иное, как превращение. И радуется этому всеобщая природа, в согласии с которой все хорошо происходит, от века происходило единообразно и впредь до беспредельности будет так же. Как же ты говоришь, что все было плохо и все плохо будет? И не нашлось среди стольких божеств силы исправить это, и мир приговорен пребывать в непрестанных бедах?

36. Гнилое вещество, на котором замешан всякий: вода, прах, кости, смрад. И опять же: не мрамор, а желвак почвы; золото, серебро

— сгусток; одежда — волосья, порфира — кровь. Таково же и все прочее. И душевное таково же — из этого в то превращается.

37. Хватит этой жалкой жизни, ворчанья, обезьянства. Зачем смятение? Что тут внове? Что из себя выводит? Причинное ли? Рассмотрю его. Или вещество? Его рассмотрю. А кроме них ничего нет — да и с богами пора тебе стать более цельным и честным. Три года это изучать или сто лет — равным-равно.

38. Если он погрешил, зло там. А может, не погрешил?

39. Либо из единого разумного источника все выпадает всему как единому телу, и не следует части бранить то, что происходит ради целого. Либо атомы и не что иное, как мешанина и рассеяние. Затем ты в смятении? да ты же говоришь ведущему: ты мертво, погибло, одичало, притворствуешь, прибилось к стаду и пасешься.

40. Либо боги ничего не могут, либо могут. Если не могут, зачем молишься? А если могут, почему бы не помолиться лучше о том, чтобы не бояться ничего такого, ни к чему такому не вожделеть и ни о чем таком не печалиться? И совсем не о том, чтобы чего-то не было или что-то было. А уж, конечно, если боги могут содействовать людям, то и в этом могут содействовать. Ты скажешь, пожалуй: боги сделали, чтобы это от меня зависело. — Так не лучше ли тогда распоряжаться свободно тем, что от тебя зависит, чем рабски и приниженно быть небезразличным к тому, что не зависит от тебя? и кто сказал тебе, будто боги не поддерживают нас и в том, что от нас же зависит? Ты начни молить об этом — увидишь. Этот молится: как бы мне спать с нею! А ты: как бы не пожелать спать с нею! Другой: как бы от того избавиться! Ты же: как бы не нуждаться в том, чтобы избавиться! Третий: как бы не потерять ребёнка! Ты: как бы не бояться потерять! Поверни так все твои моления и рассмотрю, что будет.

41. Эпикур рассказывает, что болея он не вел бесед о страданиях тела, и, говорит, с приходившими ко мне я не беседовал о чем-нибудь таком, а продолжал вникать в природу первостепенных вещей и пользуясь случаем следил за тем, как мысль, участвуя в таких телесных движениях, остается невозмутимой и охраняет собственное благо. И врачам, говорит, не давал я кичиться, будто они что-то такое делают, а вел жизнь хорошо и счастливо. Вот и ты, болея, если уж заболеешь, или в других каких-нибудь обстоятельствах — непременно как он. Потому что не отступаться от философии в любых испытаниях,

не болтать с обывателем тому, кто вник в природу, — это общее при любом выборе. Быть всецело при том, что происходит сейчас, и при том органе, в котором происходит.

42. Когда тебя задевает чье-нибудь бесстыдство, спрашивай себя сразу: а могут бесстыдные не быть в мире? Не могут. Тогда не требуй невозможного. Этот — он один из тех бесстыдных, которые должны быть в мире. И пусть то же самое будет у тебя под рукой и с жуликом, и с неверным, и со всяким как-либо погрешающим, вспомнишь, что невозможно, чтобы не существовал весь этот род, и станешь благожелательнее к каждому из них в отдельности. Очень помогает, если тут же поразмыслишь о том, какая добродетель дана человеку природой против этой погрешности. А ведь дана ею в противоядие, скажем, грубости — мягкость, против другого — другая сила. И вообще можно тебе переучивать сбившегося с пути, потому что всякий заблуждающийся блуждает в своём задании и сбивается. Да и какой тебе вред? ты же среди тех, против кого ожесточился, ни одного не найдешь, кто бы что-нибудь сделал такое, от чего бы стало хуже твоё разумение, а беда и вредное для тебя существует только там. Что же тогда дурного или странного в том, что невоспитанный делает то, что невоспитанные? Смотри-ка лучше, не себя ли надо обвинять, если не ожидал, что этот в этом вот погрешит. Даны же тебе побуждения от разума, чтобы понять, что этот допустит, надо полагать, эту вот погрешность. Ты же, позабыв об этом, впадаешь, когда он погрешил, в изумление. Особенно когда порицаешь кого-либо за неверность или неблагодарность, к самому себе обращайся — тут уж явственна твоя погрешность, раз ты человеку, имеющему такой душевный склад, поверил, что он сохранит верность, или же, оказывая ему услугу, оказывал её не завершительно, не так, чтобы из самого деяния получить весь его плод. Если делаешь добро человеку, чего ещё хочешь? мало тебе сделать нечто сообразное со своей природой — ещё ты мзды себе ищешь? все равно как глаз требовал бы плату за то, что смотрит, или ноги — за то, что ходят. Ибо как те на то родились и когда действуют по своему устройению, своё уже получают, так человек, от природы благодетель, когда благодетельствует или в средних вещах содействует, сделав то, ради чего он устроен, своё получает.

Десятая книга

1. Будешь ли ты когда, душа, добротной, простой, единой, нагой, более явственной, чем облакающее тебя тело? отведаешь ли ты когда дружественного и готового к лишению душевного склада? Будешь ли ты когда наполненной, далекой от нужды, ничего не алчущей, не желающей ничего — одушевленного или неодушевленного — ради вкушения наслаждений: ни времени, чтобы вкушать их долее, ни мест каких-либо и краев, ни воздушного благорастворения, ни человеческого благорасположения? Когда удовлетворишься ты тем, что есть, и возрадуешься всему, что здесь, когда уверишься, что и все у тебя хорошо и что все это от богов, и будет хорошо все, что им мило, что дадут они ещё во спасение существа совершенного, благого, прекрасного, все порождающего и соединяющего, окружающего, приемлющего то, что распадается, чтобы вновь породить подобное? Ты будешь ли когда тою, которая и с богами, и с людьми может в одном граде жить, ни в чем их не укоряя и от них не заслуживая осуждения?

2. Следи за тем, чего ждет твоя природа, насколько ты одной ею управляем; вот и делай это и гляди, ухудшит ли это склад твоей природы живого существа. Затем надо проследить, чего ждет твоя природа живого существа, и все это принять, если это не ухудшит склад твоей природы разумного существа. А разумное оно вместе и гражданственное. Этих правил держись и уж не хлопочи ни о чем другом.

3. Все, что случается, либо так случается, как от природы дано тебе переносить, или же так, как не дано от природы переносить. А потому, если случается тебе, что ты по природе сносишь, — не сетуй, переноси, как дано природой; если же то, что не сносишь, — не сетуй, потому что оно тебя раньше истребит. Помни только: дано тебе от природы переносить все, что только может сделать переносимым и приемлемым твоё же признание, исходя из представления, что это полезно и надлежит тебе так делать.

4. Если кто ошибается, учить благожелательно и показывать, в чем недосмотр. А не можешь, так себя же брани, а то и не брани.

5. Что бы ни случилось с тобой, оно от века тебе предуготовано: сплетение причинного издревле увязало и возникновение твоё, и это вот событие.

6. Атомы ли, природы ли — пусть первым положено будет то, что я — часть целого, управляемого природой. А потом, что как-то я расположен к частям мне однородным. Так вот об этом-то памятуя, не буду я, раз уж я часть, негодовать на что-либо из того, что уделяет мне целое, ибо части нет вреда там, где есть польза целому. Ведь у целого нет ничего, что бы не было ему полезно, и это вообще свойственно всем природам, а мировой особенно, потому что никакая внешняя причина не понуждает её рождать что-либо ей же вредное. Так вот, памятуя, что я часть такого целого, все, что происходит — приму как благо. Ну а поскольку природно я расположен к частям мне однородным, не стану делать ничего необщественного — напротив, скорее буду вникать в тех, кто мне однороден, и обращу всякое своё устремление к общей пользе, а от противного отвращу сь. И если все идет таким образом, жизнь непременно станет благотекущей — точно так, как мыслится благотекущая жизнь гражданина, шествующего делами, полезными для сограждан, и принимающего все, что ни уделит ему город.

7. Частям целого, говорю я, всем, что объемлются мирозданием, погибать — неизбежно. Пусть мы так скажем вместо «изменяться». Так вот, говорю я, если это беда и неизбежность, то целое, пожалуй, нехорошо повело дело, раз части переходят в иное, а устроены были безразлично к тому, чтобы погибать. Природа, значит, сама предприняла злое для своих же частей, сотворила их подверженными злу и ввергнутыми в него с неизбежностью; или не усмотрела, как нечто такое произошло, — невероятно ни то, ни другое. А если кто откажется от природы и вместе с тем будет толковать, что все это лишь естественно, то и этак смешно: говорить, что естественно частям целого превращаться, и тут же изумляться и негодовать на что-нибудь, как если бы оно было нечто противное природе, и это при том, что распадается всякая вещь на то, из чего составлена. А ведь либо рассеяние первостихий, из которых я составлен, либо обращение твердого в земляное, а всякого дыхания в воздушное, так что и они приемлются в разум целого, которое то ли испламеняется в кругообращениях, то ли обновляется в вечном обмене. Не представляй

себе ни твердое, ни дыхание как нечто первородное, потому что все это стекло не то вчера, не то третьего дня из пищи и втягиваемого воздуха. Превращается, значит, то, что получено, а не то, что мать родила. Предположи другое — слишком свяжет тебя с частными свойствами, которые, пожалуй, ничего не стоят рядом с тем, о чем мы здесь говорим.

8. Положив себе эти имена: добротный, достойный, доподлинный; осмысленный, единомысленный, свободомысленный, — смотри, держись, не переименовывайся, не нарушай их и поскорее к ним восходи. Помни, что осмысленность означала у тебя пронизательное рассмотрение всякой вещи и нерассеянность; единомыслие — добровольное приятие того, что уделяет общая природа; свободомыслие — свободу мыслящей части от гладкого или шероховатого движения плоти, от славы, смерти и прочее. Так вот, если соблюдешь себя при этих именах, ничуть не цепляясь за то, чтобы и другие называли вещи так же, и сам будешь другой, и вступишь в другую жизнь. Потому что быть и дальше таким, каким ты был до сих пор, и в такой жизни мотаться и мараться — это в пору разве что бесчувственному и жизнелюбцу вроде тех полурастерзанных борцов, которые изранены зверьми, изгрызаны, а все-таки просят, чтобы их оставили до завтра и в таком же виде бросили в те же когти и в ту же пасть. Нет, ты взойди на немногие эти имена и если можешь стоять на них, стой, подобный тому, кто переселился на острова блаженных; ну а почувствуешь, что соскальзываешь и что не довольно в тебе сил, спокойно зайди в какой-нибудь закоулок, какой тебе по силам, а то и совсем уйди из жизни — без гнева, просто, благородно и скромно, хоть одно это деяние свершив в жизни, чтобы вот так уйти. А помнить эти имена тебе очень поможет, если будешь помнить богов, и как они не того хотят, чтоб угодничали перед ними, а того, чтобы уподоблялось им все разумное. И чтобы смоковница делала, что положено смоковнице, собака — что собаке, пчела — что пчеле, человек — что человеку.

9. Балаган, сеча, перепуг, оцепенелость, рабство — и день за днем будут стираться те священные основоположения, которые ты как наблюдатель природы представил себе и принял. А пора уж тебе так на все смотреть и так делать, чтобы сразу и с обстоятельствами справляться, как надо, и созерцание осуществлять, и уверенность,

рождающуюся из знания всяческих вещей, хранить сокрытой, а не скрывать. Нет, когда ты вкусишь простоты? когда значительности? когда распознавания во всяком деле, что оно по естеству, каково его место в мире и на какое время оно рождено природой, из чего состоит, благодаря чему способно существовать и какие силы могут и давать его, и отнимать?

10. Паук изловил муху и горд, другой кто — зайца, третий выловил мережей сардину, четвертый, скажем, вепря, ещё кто-то медведей, иной — сарматов. А не насильники ли они все, если разобрать их основоположения?

11. Как все превращается в другое, к созерцанию этого найди подход и держись его постоянно, и упражняйся по этой части, потому что ничто так не способствует высоте духа. Высвободился из тела и тот, кто сообразив, что вот-вот придется оставить все это и уйти от человеческого, отдался всецело справедливости в том, в чем собственная его деятельность, а в прочем, что случается, — природе целого. А кто о нем скажет или что за ним признает, или сделает против него, этого он и в ум не берет, довольствуясь следующими двумя вещами: ныне по справедливости действовать, и ныне ему уделяемое — любить. А всякую суету и старания он отбросил и ничего не желает кроме того, чтоб, следуя закону, шествовать прямо и, шествуя прямо, следовать богу.

12. Что нужды разгадывать, когда можно рассмотреть, что надо сделать; и если усматриваешь, то ступать вперед благожелательно, безоглядно, а если не усматриваешь, то подождать и прибегнуть к тем, кто лучше других посоветует; а если другое что-нибудь этому мешает, то, исходя из наличного, подвигаться вперед рассудительно, держась того, что представляется справедливым. Ибо лучшее — достигать этого, и пусть неудача будет для тебя только в этом. Покойное и вместе подвижное, легкое и вместе стойкое — таков тот, кто во всем следует разуму.

13. Спрашивать себя сразу по пробуждении от сна: безразлично ли тебе будет, чтобы другой был справедлив и хорош? — Будет безразлично. А не забыл ты, что эти вот люди, напыщенно раздающие похвалы и хулу другим, таковы вот на ложе и за столом, и что они делают, чего избегают, за чем гонятся, что воруют, а то и грабят — не

руками-ногами, а драгоценнейшей своей частью, в которой, если она того захочет, являются верность, стыд, правда, закон и добрый гений.

14. Природе, дающей все и все забирающей, человек воспитанный и скромный говорит: дай, что хочешь; бери что хочешь. И говорит это не дерзко, а уважительно всего лишь и преданно.

15. Невелико уже то, что осталось. Живи будто на горе, потому что все едино — там ли, здесь ли, раз уж повсюду город-мир. Пусть увидят, узнают люди, что такое истинный человек, живущий по природе. А не терпят, пусть убьют — все лучше, чем так жить.

16. Больше вообще не рассуждать, каков он — достойный человек, но таким быть.

17. Упорно представлять себе всю вечность и все естество, и что все отдельное по сравнению с естеством — зернышко, а по времени — поворот сверла.

18. Останавливаясь на всяком предмете, понимать, что он уже распадается, превращается и находится как бы в гниении и рассеянии; или, как всякая вещь, рождается, чтобы умирать.

19. Каковы те, кто ест, спит, покрывает, испражняется и прочее; затем, каковы самовластные, горделивые, досадующие, порицающие свысока — а ведь немного перед тем, чему они только не рабствовали, и чего ради; и как немного спустя при том же будут.

20. Каждому благодатно то, что дает общая природа, и тогда благодатно, когда дает.

21. «Жаждет влаги земля, жаждет высокий эфир» — а мир жаждет сделать то, чему суждено стать. Вот я и говорю миру, что жажду и я с тобою. Не потому ли вместо «обычно делает» говорят «любит он это делать»?

22. Либо ты живешь здесь и уже привык, либо уходишь отсюда и этого захотел; либо умираешь и уже отслужил. Кроме этого — ничего. Благоспокойствуй.

23. Пусть тебе всегда ясно будет, что поле — оно вот такое, и каким образом все, что здесь — то же, что и на вершине горы, на берегу моря и где угодно. Увидишь, что все совершенно как у Платона: устроил — говорит — себе загон на горе и доит блеющих.

24. Ведущее — что у меня? и каким я же его сейчас делаю, и на что такое сейчас его употребляю? есть ли в нем сколько-нибудь ума? не отрешилось ли оно, не оторвано ли от общества? не растеклось, не

смешалось ли оно с этой плотью настолько, чтобы следовать её разворотам.

25. Кто бежит от хозяина — беглый раб. А закон это хозяин, и беглый раб тот, кто его преступает. Так же и тот, кто опечален, кто сердится и кто опасается чего-то, что стало, становится, станет — чего-то, что повелел тот, кто управляет всем, а ведь это закон, раз в нем концы всего, что кому уделено. И следовательно, тот, кто опасается, печалится или сердится — беглый раб.

26. Бросил семя в лоно и отошел, а там уж другая причина берется действовать, и является дитя. Из чего — какое! Или пищу, бросил в глотку, а там уж другая причина берется производить ощущения, устремления и вообще жизнь, силу и сколько ещё всякого. Вот и рассматривать это столь прикровенно происшедшее и силу эту видеть так же, как ту, что гнетет к земле или выносит вверх — не глазами, но не менее ясно.

27. Упорно воображать, как все то, что происходит теперь, происходило и прежде; и как будет происходить — так же воображать. Самому ставить перед своими глазами целые действия или похожие сцены, какие известны тебе либо по собственному опыту, либо от знания старины — скажем, весь двор Адриана, и весь Антонина, и весь двор Филиппа, Александра, Креза, потому что и тогда все было то же, только с другими.

28. Представляй себе, что всякий, кто чем бы то ни было опечален или недоволен, похож на поросенка, которого приносят богам, а он брыкается и визжит. Таков и тот, кто лежа в постели молча оплакивает, как мы связаны с миром. А ещё, что только разумному существу дано следовать добровольно за происходящим, потому что просто следовать — неизбежно для всех.

29. Останавливаясь по отдельности на всем, что делаешь, спрашивай себя, страшна ли смерть тем, что этого вот лишишься.

30. Когда задевает тебя чье-нибудь погрешение, сразу перейди от него к размышлению о том, в чем у тебя сходная погрешность. Например, не полагаешь ли ты, что благо — деньги, наслаждение или там слава, и так по разновидностям. Ибо смиришься, как только сообразишь, что тот — подневольный. Ну что ему поделывать? Или отними от него, если можешь, то, что его приневолило.

31. Увидя Сатирона, представляй себе Сократика или Евтиха или Гимена; увидя Евфрата, Евтихиона представляй себе или Сильвана; если Алкифрона, то Тропеофора, а если Ксенофонта, то Критона или Севера; на себя же самого поглядев, кого-нибудь из Цезарей представляй себе, и так в каждом случае. А потом поразмысли: где они теперь? нигде или где-то там. Ты постоянно будешь видеть в человеческом дым и ничтожество, особенно если крепко запомнишь, что однажды превратившееся больше никогда не будет в беспредельности времен. Что — и в чем? Не довольно ли с тебя, если миролюбиво преодолешь эту малость? Какого вещества, каких положений ты избегаешь? Да и что все это, как не упражнение для ума, который благодаря старательному рассмотрению природы видит то, что есть в жизни? Так держись, пока не усвоишь себе и это, как усваивает все здоровый желудок, как сильный огонь, который из всего, что ни брось ему, сотворяет пламя и сияние.

32. Пусть никому нельзя будет сказать о тебе по правде, что не прост или не добротен. Нет, пусть лжет всякий, кто признает за тобой что-нибудь такое. А это всецело от тебя зависит, ибо кто мешает быть добротным и простым? Ты только считай, что тебе не жить, если таким не будешь. Вот и разуму решающему ты чужд, пока не будешь таким.

33. Что можно сделать или наиболее здраво сказать в таком деле? Потому что, каково б оно ни было, можно это сделать и сказать. И не отговаривайся, будто помеха у тебя.

Ты не прекратишь стенать до тех пор, пока не прочувствуешь: каково для сладострастника роскошествовать, таково для тебя из вещей, которые тебе подлежат и выпадают, делать то, к чему расположено человеческое устройство, потому что за усладу надо признавать все, что можно делать сообразно своей природе. А везде можно. Цилиндр! — тому не дано нестись везде в своём движении, так же и воде, и огню, и всему, чем управляет природа или неразумная душа — очень у них много преград и препон. А дух и разум чрез все, что стоит ему поперек, может идти так, как ему естественно и желательно. Так держи перед глазами ту легкость, благодаря которой разум пронесется чрез все, как огонь вверх и камень вниз, как цилиндр под уклон. Более и не ищи ничего. Ведь остальные преткновения либо относятся к телесному трупу, либо, если сам разум не признает их и не поддается, не ранят и не делают ровно никакого зла. Иначе бы всякий,

претерпевающий это, сразу бы стал дурен. Потому что во всех других устройствах, что бы ни случилось с ними дурного, из-за этого сразу делается хуже само страдающее; между тем человек, по правде говоря, становится даже лучше и достоин похвалы, если он правильно распоряжается тем, что ему выпадает. И вообще помни: тому, кто по природе гражданин, не вредит то, что не вредит городу; городу же не вредит то, что не вредит закону. А из тех так называемых бедствий ни одно не вредит закону. Ну, а не вредит закону, так ни городу не вредит, ни гражданину.

34. В кого вгрызлись истинные основоположения, тому довольно и крайней малости, самого общеизвестного, чтобы вспомнить о беспечальности и бесстрашии. Сказал поэт о листьях: «ветер одни по земле развеивает... Так человеки...» Вот и дети твои — листва. Все то, что так убедительно шумит о тебе и тебя славит или, напротив, прокликает, или ещё исподтишка хулит, насмехается — тоже листва. Такая же листва и то, что должно перенять молву о тебе. Ибо все они «в весенню рождаются пору», а там сорвет их ветер, и вот в лесах вещества вместо них растут уже другие. Ну а недолговечность у всех одна, ты же гонишься или избегаешь всего так, словно оно вечное. Немного — и прикроешь глазки, а уж того, кто похоронит тебя, оплачет другой.

35. Здоровому глазу надо глядеть на все, что зримо, а не говорить «Зеленого мне!» Ибо это для больного глазами. И слух здоровый, и обоняние должны быть готовы что бы то ни было слушать и обонять. И желудку здоровому относиться к любой снеди так, как жернов ко всему, что ведено ему перемалывать по его устройению. Точно так же и здоровое разумение должно быть готово ко всему, что происходит; если же оно говорит: «Дети были б здоровы» или «Пусть все хвалят все, что я делаю», так это глаз, ищущий зеленого, или зуб — нежного.

36. Нет такого счастливица, чтобы по смерти его не стояли рядом люди, которым приятна случившаяся беда. Был он положителен, мудр — так разве не найдется кто-нибудь, кто про себя на прощанье скажет: «наконец отдохну от этого воспитателя. Он, правда, никому не досаждал, но я-то чувствовал, что втайне он нас осуждает». Это о человеке положительном. А в нас сколько всякого, из-за чего многие мечтают распротиться с нами! Ты, как будешь умирать, помысли об этом; легче будет уйти, рассуждая так: ухожу из жизни, в которой мои

же сотоварищи, ради которых я столько боролся, молился, мучился, и те хотят, чтобы я ушел, надеясь, верно, и в этом найти себе какое-нибудь удобство. Что ж хвататься за дальнейшее здесь пребывание? Ты, конечно, не будь из-за этого менее благожелателен к ним, а сохрани свой нрав и уходи другом их, преданным и кротким. Но конечно и не так, будто тебя оттаскивают; нет, как у того, кто умирает тихо, душа легко выпрастывается из тела, таково должно быть удаление от этих людей. Ведь и с ними природа связала, соединила, а теперь, значит, отвязывает. Я и отвязуюсь как от близких, однако, не упираясь, не приневоленно, потому что и это по природе.

37. Приучись, что бы кто ни делал, по возможности спрашивать себя: куда ж он метит? А начинай с себя, и прежде всех себя изучай.

38. Помни: приводящее в движение — это то, спрятанное внутри; это там убедительное слово, там жизнь, там, скажем прямо, человек. Никогда не мысли заодно с ним облекающий его сосуд и эти прилепленные к нему орудия — они вполне похожи на тесала; то и отличие, что приросли. Потому что вне причины, управляющей их движением или покоем, эти доли много ли ценнее, чем игла ткачихи, тростинка писца или кнут возницы?

Одиннадцатая книга

1. Свойства разумной души: самое себя видит, себя расчисляет, делает себя такой, какой хочет, плод свой сама же пожинает (ведь плоды растений и то, что соответствует этому у животных, пожинаяют другие), приходит к своему назначению, когда бы ни поставлен был предел жизни. Тут не то, что в пляске, лицедействе или ещё в чем-нибудь таком: вмешается что-нибудь — и все действие не завершено. Нет, в любой части и где бы её ни захватили, она делает полным и самодостаточным то, что сама себе положила, как будто говорит: что моё, то при мне. А ещё она обходит весь мир и пустоту, его окружающую, и его очертания, распространяется на бесконечность времен, вмещая в себя и всеобщие возрождения после кругообращений; и их она охватывает, обдумывает и узревает, что не увидят ничего особенно затейливого те, кто после нас, как не видали ничего особенно хитрого те, кто были до нас. Нет, сорокалетний, если есть в нем сколько-нибудь ума, благодаря единообразию так или иначе все уже видел, что было и будет. Свойственны также душе разумной и любовь к ближнему, и правда, и стыд, и то, чтобы не предпочитать ничего себе самой, как это свойственно и закону. Ничуть, таким образом, не различаются прямой разум и прямая справедливость.

2. Пренебрежешь песней прелестной, пляской, двоеборьем, если разделишь цельное звучание на отдельные звуки и о каждом спросишь себя: что, действительно он тебя покоряет? Ведь отвернёшься же! Вот и с пляской так, во всяком её движении или положениях; то же и с двоеборьем. В целом: за исключением добродетели и того, что от нее происходит, не забывай спешить к составляющим, а выделив их, приходиться к пренебрежению. Это же переноси на жизнь вообще.

3. Какова душа, которая готова, когда надо будет, отрешиться от тела, то есть либо угаснуть, либо рассеяться, либо пребыть. И чтобы готовность эта шла от собственного суждения, а не из голой воинственности, как у христиан, — нет, обдуманно, строго, убедительно и для других, без театральности.

4. Сделал я что-нибудь для общества — сам же и выгадал. Пусть это будет у тебя под рукой и всякий раз является; и не прекращай никогда.

5. У тебя какое искусство? — Быть добротным. А может ли это хорошо произойти иначе, как по правилам учения — тем ли, что относятся к природе целого, или же тем, что относятся к собственно человеческому устройению?

6. Сперва вывели трагедию в напоминание о том, что случается и что по природе это случается, и если в театре увлекаетесь этим, так не тяготитесь этим же самым в театре просторнейшем. Вы же видите, что так и надо этому свершаться, и что сносят это и те, кто вопит «О-о, Киферон!». К тому ж некоторые вещи у сочинителей этих выражены дельно — вот, скажем, такое: «Пренебрегли детьми и мною боги — что ж! Знать, есть и в этом смысл...», или опять же: «На ход вещей нам гневаться не след», или ещё: «Жизнь пожинать, как в пору зрелый злак», и сколько ещё такого. После трагедии вывели древнюю комедию, полную воспитующей смелости и прямоотой речей дельно напоминающую о том, что никому не пристало ослепление. Вот зачем Диоген это перенял. После была некая средняя комедия и, наконец, новая; перенята ли она вообще зачем-нибудь или потихоньку соскользнула к чрезмерному подражанию — поди узнай. Ведь известно, что и эти кое-что дельно говорят, но общая-то задача таких произведений и драматического искусства — какую цель перед собой имела?

7. Каким образом ясно является уму, что нет в жизни другого положения, столь подходящего для философствования, как то, в котором ты оказался ныне.

8. Ветка, отрубленная от соседней ветки, непременно уже отрублена и от всего растения. Точно так человек, отщепленный от одного хотя бы человека, отпал уже от всей общности. Да ветку-то хоть другой отрубает, а человек сам отделяет себя от ближнего, если ненавидит и отвращается, того не ведая, что заодно и от всей гражданственности себя отрезал. И тут — дар Зевеса, зиждителя общности: дано нам вновь срастись с соседом и вновь составить целое. Ну конечно, если то, что сопряжено с таким разделением, будет случаться не раз, то, зайдя далеко, произведет малосоединимое и маловосстановимое. Да и вообще не одинаковы ветка, изначально единорастущая и не изменившая единодушию, и наново привитая после того, как была отрублена, — что бы ни говорили садоводы. Единорастущий — и не единомысленный!

9. Те, кто становится тебе поперек, когда ты идешь вперед сообразно прямому разуму, от здравого деяния тебя не отвратят и твоей к ним благожелательности пусть не лишатся. Равно заботься о двояком: не о том только, чтобы суждения и деяния твои были устойчивы, но также и о том, чтобы оставаться мягким в отношении тех, кто собирался тебе помешать или как-нибудь ещё досадить. Потому что бессильно и это, на них досадовать, точно так же как отступить от своего дела или поддаться смятению. Ведь оставляют боевой строй оба — и тот, кто дрогнул, и тот, кто отчуждается от своего единоплеменника и друга по природе.

10. «Искусства выше всякое природное» — оттого искусства и подражают природам. А если так, то уж совершеннейшая и самая многообъемлющая из природ не уступит, думается, хотя бы и самой искусной изобретательности. И как все искусства делают более низкое ради высшего, так же точно и общая природа. Вот, вот где рождается справедливость, а из нее возникают остальные доблести — ведь не уследить нам за справедливым, если станем небезразличны к средним вещам или же будем легковверны, опрометчивы и переменчивы.

11. Раз уж сами не приходят к тебе вещи, за которыми ты гонишься и от которых — также в смятении — бежишь, а это ты некоторым образом сам к ним приходишь, то пусть хоть суд-то твой о них успокоится — тогда и они недвижны, и тебя нельзя будет увидеть ни гонящимся, ни избегающим.

12. Сфера — самоточнейший образ души, когда она не тянется ни к чему и не съезживается внутрь, не рвется сеять и не садится, а светится светом, в котором зрит истину всего и ту, что в ней.

13. Кто-то станет презирать меня? Его забота. А моя забота, как бы не случилось, что я сделал или сказал что-нибудь достойное презрения. Кто-то возненавидит? Его забота. А я, благожелательный и преданный всякому, готов и ему показать, в чем его недосмотр — без хулы, без намека на то, что вот-де терплю, а искренно и просто, как славный Фокион, если, конечно, не притворялся. Потому что надо, чтобы это внутри было и чтобы боги видели человека-несетователя по душевному своему складу, такого, который не кричит, как все ужасно. Потому что если сам делаешь сейчас то, к чему расположена твоя природа, и приемлешь то, что сейчас угодно всеобщей природе, какая

беда тебе, человеку, поставленному, чтобы было чрез кого произойти всеобщей пользе?

14. Презирают друг друга, угождают друг другу и, желая превосходить друг друга, покорствуют друг другу.

15. Сколько испорченного и показного в том, кто говорит: «Знаешь, я лучше буду с тобой попросту». Что ты, человек, делаешь? Незачем наперед говорить — объявится тут же; должно, чтобы прямо на лице это было написано, чтобы это было прямо в голосе, чтобы прямо исходило из глаз — так любимый сразу все узнает во взгляде любящего. Вообще простой и добротный должен быть вроде смердящего, так, чтобы стоящий рядом, приблизившись к нему, хочет или не хочет, тут же это почувствовал. А старательность — простоте нож. Ничего нет постыднее волчьей дружбы. Этого избегай всего более. Добротный, простой, благожелательный по глазам видны — не укроются.

16. А наилучшим образом жить — сила эта у нас в душе, если мы безразличны к безразличному. А безразличен будет, кто всякую вещь рассмотрит отдельно и в целом, памятуя при этом, что ни одна из них сама о себе признания в нас не производит и не приходит к нам; нет, недвижны вещи, и это мы порождаем суждение о них и как бы записываем их в себе, хотя можно и не записывать или, если как-нибудь вкрадутся, тут же стереть — ненадолго эта собранность, а там уж закончена будет жизнь. Что же непосильного, чтобы все тут обстояло хорошо? Если сообразно природе, радуйся и пусть тебе легко будет, а если против природы — поищи, что тогда сообразно твоей природе, и к тому спеши, хотя бы и не было в том славы. Потому что всякому простительно искать своего блага.

17. Откуда пришло что-либо, из каких состоит вещей и во что превращается, и каково, превращаясь, станет, и как никакого не потерпит зла.

18. И во-первых: каково моё соотношение с ними и что мы рождены друг для друга; что я и в другом смысле рождён, чтобы защищать их, как бык или баран своё стадо. А отправляйся вот от чего: если не атомы, то управляющая целым природа, а если так, то худшее ради лучшего, а в последнем одно ради другого. Второе: каковы они за едой, на ложе и прочее; особенно же, какова принудительность, заложенная в их основоположениях, да и самое это в каком

ослепленнии делают! Третье: что если они делают это правильно, то не надо негодовать. Если же неправильно, то, разумеется, неволью и по неведению. Потому что всякая душа не по своей воле лишается как истинного, так и того, чтобы ко всему относиться по достоинству. Оттого-то им и тяжело слыть несправедливыми, черствыми, корыстными, вообще погрешающими в отношении ближних. Четвертое, что и сам ты много погрешаешь, что и сам такой же. А если кое от каких погрешений воздерживаешься, то уж предрасположение, на них наводящее, у тебя есть; и разве что из трусости или славы домогаясь, или ради чего-нибудь ещё дурного, воздерживаешься от подобных погрешений ты. Пятое: что и того, погрешают ли они, ты не постиг, потому что многое делается по некоему раскладу. И вообще многое надо узнать, прежде чем как-либо объявить, будто ты постиг чужое действие. Шестое, когда сетуешь чрезмерно, а то и страдаешь: что вся-то жизнь человека — такая малость; недолго ещё, и все протянем ноги. Седьмое: что не деяния их нам досаждают, потому что их деяния — в их ведущем, а признания наши. Так что убери их, соизволь оставить суждение, как, мол, это ужасно — и гнев прошел. Как убрать? Сообразив, что не постыдно. Потому что если не одно только постыдное — зло, то ты обречен на множество погрешений, на то, чтоб и разбойником стать и кем угодно. Восьмое: насколько тяжелее то, что приносят гнев и печаль из-за чего-либо, чем само то, из-за чего мы гневаемся и печалимся. Девятое: что благожелательность непобедима, когда неподдельна, когда без улыбочивости и лицедейства. Ну что самый злостный тебе сделает, если будешь неизменно благожелателен к нему, и раз уж так случилось, станешь тихо увещать и переучивать его мягко в то самое время, когда он собирается сделать тебе зло: Нет, милый, не на то мы родились; мне-то вреда не будет, а тебе, милый, вред. И показывать ловко в общем виде, что оно вот как обстоит, что и пчелы так не делают и вообще все, кто по природе скопом живут. И чтоб ни насмешки тайной не было, ни попрека, нет — приветливо и без ожесточенья в душе. И не так, словно это в школе, не с тем, чтобы другой, став рядом, изумился, а обращаться к нему — смотри — к одному, хоть бы и окружали вас какие-нибудь ещё люди. Эти девять главных положений помни, как если бы ты получил их в дар от Муз. И начни наконец быть человеком, покуда жив. Надо равно остерегаться гневаться на них или угождать им, потому что

необщественно и то, и другое, и вред приносит. И пусть в гневе будет под рукой, что не в гневе мужественность и что быть тихим и нестроптивым — более человечно и по-мужески; и что у такого сила, крепость и мужество, а не у того, кто сетует и недоволен. Ибо сколько это ближе к нестрастию, столько же к силе. И как печаль — у слабого, так и гнев, потому что оба поранены и сдаются. А если угодно, возьми ещё десятый дар — от Мусагета: не понимать, что дурные должны погрешать, — это безумие, ибо такое невозможно. Ну а допускать, чтобы они с другими были такие, требуя, чтобы не погрешали против тебя, — это не по-доброму и в духе тирана.

19. Постоянно остерегаться четырех разворотов ведущего и, как изловишь себя, тут же стирать, приговаривая всякий раз так: это видение не из необходимых; это нарушает общность; это не от себя ты собираешься говорить, а нет ничего более нелепого, чем говорить не от себя. Ну а четвертое — то, за что себя самого выбранишь так: это у тебя от поражения и покорности божественнейшего твоего надела перед бесчестнейшим и смертным телесным уделом с его тупыми наслаждениями.

20. Твое дыханье и все огненное, сколько туда подмешано, хоть и стремятся по природе вверх, однако, подчиняясь построению целого, удерживаются здесь, в соединении. Так и все земляное в тебе и влажное, хоть и стремятся вниз, однако подняты и занимают то место, которое отвела им их природа. Таким образом, и стихии слушаются целого, и куда их поставили, там они вынуждены стоять, пока не будет дан знак оттуда, что пора им врассыпную. Что ж, не страшно ли это, чтобы разумная твоя часть была единственным, что не подчиняется, сетуя на своё место? А ведь ей-то насильно ничего не приказывают — только то, что по её природе. И она не выдерживает и даже затевает мятеж, ибо движение к несправедливости, разнузданности, гневу, печали, страхам — не что иное, как отступничество от природы. И когда ведущее негодует хоть на что-нибудь из происходящего, и тогда оно оставляет своё место, потому что ведущее устроено ради равенства и богопочитания не меньше, чем ради справедливости. Ведь и они — виды благообщности, и, пожалуй, старшие из правых деяний.

21. У кого нет в жизни всегда одной и той же цели, тот и сам не может во всю жизнь быть одним и тем же. Сказанного не достаточно, если не добавишь и то, какова должна быть эта цель. Ибо как сходно

признание не всего того, что там представляется благами большинству, а только вот таких, именно общих, благ, так и цель надо поставить себе именно общественную и гражданскую. Потому что, кто направит все свои устремления к ней, у того и все его деяния станут сходны, и оттого сам он всегда будет тот же.

22. Мышь с гор и домовая, и как первая убегает в страхе.

23. Сократ и основоположения толпы называл чудищами, детскими ужасами.

24. Лакедемоняне чужестранцам, пришедшим на торжество, ставили сиденья в тени, а сами садились как придется.

25. Сократ так сказал Пердикке, почему не идет к нему: чтобы не погибнуть наихудшей погибелью, а именно быть облагодетельствованным без возможности благодетельствовать в ответ.

26. В Эфесских записях содержалось наставление непременно хранить память об одном из древних, державшихся добродетели.

27. У Пифагорейцев — на рассвете глядеть на небо, чтобы напомнить себе о тех, кто всегда делает все то же своё дело все тем же образом, а ещё о порядке, о чистоте, о нагоде. Звезды не прикрываются.

28. Как Сократ подвязал овчинку, когда жена его Ксантиппа ушла, захватив его накидку. И что Сократ сказал друзьям, смутившимся и отпрянувшим от него, когда они увидели его в таком одеянии.

29. В письме и чтении не станешь властвовать прежде, чем побудешь подвластным. В жизни тем более так.

30. Рабом родился, вот и бессловесен ты.

31. Во мне же смеялось Милое сердце.

32. Тяжкие бросят слова, разя самое добродетель.

33. Безумен, кто ищет смокву зимой. Кто ищет своё дитя, когда больше не дано, таков же.

34. Ребенка ли своего ласкаешь, надо, говорил Эпиктет, произносить про себя: Умрет, может быть, завтра. — Так ведь дурной знак! А он: Ничуть не дурной, раз обозначает одно из дел природы. Или когда злак пожинают, тоже знак дурной?

35. Виноградная завязь, гроздь, изюмины — все превращения, и не в небытие, а в не-ныне-бытие.

36. Вольную волю не приневолит никто. Так Эпиктет.

37. Он говорил, что нашел искусство соглашаться и применительно к устремлениям сберечь осмотрительность, чтобы небезоговорочно, чтобы общественно, чтобы по достоинству; от желаний совсем воздерживаться, а к уклонению не прибегать ни в чем из того, что не от нас зависит.

38. Так ведь не за что-то там боремся — говаривал он — а за то, сходит с ума или нет.

39. Сократ говорил: Хотите ли, чтобы в вас была душа разумных или неразумных? — Разумных. — А каких разумных, здоровых или негодных? — Здоровых. Что же вы этого не ищете? — Обладаем. — Откуда же тогда ваш раздор и небезразличие?

Двенадцатая книга

1. Все, к чему мечтаешь прийти со временем, может быть сей час твоим, если к себе же не будешь скуп, то есть если оставишь все прошлое, будущее поручишь промыслу и единственно с настоящим станешь справляться праведно и справедливо. Праведно — это с любовью к тому, что уделяет судьба, раз природа принесла тебе это, а тебя этому. А справедливо — это благородно и без обиняков высказывая правду и поступая по закону и по достоинству. И пусть не помешает тебе ни порок чужой, ни признание, ни речи, ни, конечно же, ощущения этой нарощенной тобою плоти — страдает, так её забота. И когда бы ни предстоял тебе выход — если ты оставишь все остальное и, почитая единственно своё ведущее и то, что в тебе божественного, не того станешь бояться, что надо когда-то прекратить жизнь, а что так и не начнешь никогда жить по природе, тогда будешь ты человек, достойный своего родителя-мира, а не чужестранец в своём отечестве, изумляющийся как неожиданности тому, что происходит изо дня в день, и от всякой всячины зависящий.

2. Бог всякое ведущее видит помимо вещественного сосуда, кожуры, нечистоты. Ведь своим единственным умом он касается того, что туда единственно из него истекло и изведено. Так вот, если и ты приучишься это делать, избавишься от немалого напряжения. Ибо кто не смотрит на облекающие нас телеса, неужели станет терять время, рассматривая одежду, дом, славу, всю эту обстановку и театр?

3. Три вещи, из которых ты состоишь: тело, дыханье, ум. Из них только третье собственно твоё, остальные твои лишь в той мере, в какой надо тебе о них заботиться. Если отделишь это от себя, то есть от своего разумения, все прочее, что они говорят или делают, или все, что ты сам сделал или сказал, и все, что смущает тебя как грядущее, и все, что является без твоего выбора от облекающего тебя тела или прирожденного ему дыхания, и все, что извне приносит вокруг тебя крутящийся водоворот, так чтобы изъятая из-под власти судьбы умственная сила жила чисто и отрешенно сама собой, творя справедливость, желая того, что выпадает, и высказывая правду; если отделишь — говорю я — от ведущего то, что увязалось за ним по пристрастию, а в отношении времени то, что будет и что уже было, и

сделаешь себя похожим на Эмпедоклов «сфер округленный, покоем своим и в движении гордый» и будешь упражняться единственно в том, чтобы жить, чем живешь, иначе говоря, настоящим, — тогда хоть оставшееся-то тебе до смерти можно прожить невозмутимо и смело, в мире со своим гением.

4. Я часто изумлялся, как это всякий себя больше всех любит, а своё признание о себе же самом ставит ниже чужого. Вот если бы бог стал с кем-нибудь рядом или проницательный учитель и велели бы ничего не думать и не помышлять без того, чтобы, чуть осознав, тут же и вслух произнести, так ведь никто этак и дня не выдержит. Значит мы больше, чем самих себя, почитаем, что там про нас думают ближние.

5. Как же это боги, устроившие все прекрасно и человеколюбиво, не усмотрели единственно того, что некоторые люди — притом самые надежные, как бы вверившие божеству наибольшие залогов и столь сжившиеся с божеством своими праведными делами и священнодействиями — как только умрут однажды, больше уж не родятся, а угасают всесовершенно? Так вот, ежели оно и так, знай, что если бы надо было, чтоб было как-нибудь иначе, то они бы так и сделали. Потому что если бы это было справедливо, то было бы и возможно; и если бы по природе было, принесла бы это природа. А что это не так, если уж оно не так, это тебе залогом, что и не надо, чтоб было так. Сам же видишь, как в этом лжеискании споришь с богом, а ведь мы с богами так не разговаривали бы, не будь они наилучшими и наисправедливейшими. А если так, они вряд ли в мироуст-роении пропустили несправедливость или безрассудную небрежность.

6. Упражняйся, хоть и не думаешь преуспеть. Вот и левая рука, во всем прочем по непривычке праздная, узду держит крепче правой — к этому приучена.

7. Каким быть и душой, и телом надо, когда схватит смерть; про краткость жизни, зев вечности позади и впереди, бессилие всякого вещества.

8. Сквозь кожуру созерцать причинностное, отнесенность деяний. Что боль, наслаждение; что смерть, слава. Кто виноват, если лишил себя досуга. Что никому другой не помеха. Что все — признание.

9. А распоряжаться основоположениями надо, как в двоеборье, не как гладиаторы, потому что тот кладет меч, орудие своё, и вновь берет, а у этого рука при себе, и ничего не надо, знай действуй.

10. На такие дела смотреть, разделяя их на вещество, причинное, соотнесенность.

11. О том, какова власть человека не делать ничего, кроме такого, что будет одобрено богом, и принимать все, что бог ему уделает. Сообразно с природой.

12. Ни на богов нельзя сетовать (они-то не погрешают ни вольно, ни невольно), ни на людей (эти не иначе, как невольно). Сетовать, выходит, не на кого.

13. Как смешон и странен, кто изумляется чему бы то ни было, что происходит в жизни.

14. Либо судьба с её необходимостью и нерушимый порядок, либо милостивый промысл, либо беспорядочная мешанина случайного. Так вот, если нерушимая необходимость — что противишься ей? если промысл, допускающий умилоствление, — будь достоин божественной помощи. Если же не предводимая никем мешанина, ликуй, что средь волн таких в самом тебе есть ведущий ум. И если понесут тебя волны, пусть твоё тело несут или дыхание и прочее — ума не унесут.

15. Или пламя светильника светит, пока не погасят его, и не теряет сияния, а истина, что в тебе, справедливость и благоразумие — угаснут прежде?

16. Если кто наводит на представление, будто погрешает: да точно ли я знаю, что это погрешение? А если и погрешил, то сам же свершил над собой суд; и как это похоже на то, чтобы себе самому выцарапал глаза. И ещё: кто не хочет, чтобы дурной погрешал, похож на того, кто не хочет, чтобы давала сок смоква на смоковнице, чтобы младенцы не ревели, не ржал конь, и прочие неизбежности. Ну а что ему делать, раз состояние его такое? Состояние излечи, если ты такой дошлый.

17. Не надлежит — не делай; не правда — не говори. Пусть твоё устремление будет устойчиво во всем.

18. Всегда смотреть так: а что оно такое — то, что производит твоё представление, и разворачивать его, расчлняя на причинное, вещественное, соотнесенность и время, в пределах которого должно будет ему прекратиться.

19. Почувствуй же наконец, что есть в тебе нечто более мощное и божественное, чем то, что страсти производит или вообще тебя

дергает. Каково сейчас моё разумение? страха нет ли? подозрений? вожделения нет? чего-нибудь ещё такого?

20. Во-первых, без произвола и с соотносением. Второе, чтобы это не возводилось к чему-либо другому кроме общественного назначения.

21. Что немного ещё, и будешь никто и нигде, как и все, что теперь видишь, и все, кто теперь живет. Ибо от природы все создано для превращений, обращений и гибели, чтобы по нем рождалось другое.

22. Что все — от признания, а оно от тебя зависит. Так вот, сними, когда захочешь, признание — и все, как у того, кто в море зашел за выступ: тишина, спокойствие, ровные воды залива.

23. В отдельности любая деятельность, если она часом прекращена, ничуть не страдает постольку, поскольку она прекратилась. И тот, кто сделал это деяние, никак не пострадал постольку, поскольку оно прекратилось. Точно так же и совокупность всех деяний, каковой является наша жизнь, если прекратится в свой час, то никак не страдает постольку, поскольку она прекратилась. И тот, кто прекратил в свой час эту цепочку, не получил зла в своём укладе. А час и предел дает природа, иногда собственная, если в старости, и уж всегда — общая, части которой превращаются, а мир в целом пребывает юным и цветущим. А всегда прекрасно и своевременно все, что полезно целому. Так вот прекращение жизни никому не зло, потому что оно не постыдно, раз не по нашему выбору и не общественного не содержит. А благо оно потому, что своевременно и приносит пользу целому, а целое его приносит. Вот богоносец же тот, кто несёт себя путями бога и уносится собственным умом на эти пути.

24. Держать под рукой тройственное. Применительно к тому, что делаешь: не наугад ли и не иначе ли, чем делала бы сама правда? А применительно к приходящему извне — что оно либо случайно, либо от промысла, и что нельзя ни на случайность сетовать, ни промысл обвинять. Второе вот что: каково все от семени до одушевления и от одушевления до того, как отдаст душу, и смешение из чего здесь и распад во что. Третье: если вознесясь на небо в высь глянешь на людское, увидишь, какая тут поворотливость, а вместе и то заметишь, какова заселенность воздуха и эфира; а ещё, что сколько

бы раз ни поднялся, увидишь одно — кратковечное, единообразное. Чем ослеплены!

25. Выбрось признание — и спасен. А где тот, кто мешает выбрасывать?

26. Когда трудно переносишь что-нибудь, ты, значит, позабыл, что все происходит по природе целого и что погрешность — чужая, а ещё о том, что все происходящее всегда так происходило, будет происходить и повсюду происходит сейчас; о том, каково родство человека со всем человеческим родом — тут не кровь и не семя, а общность разума. И о том ещё позабыл ты, что разум каждого — бог, и проистек оттуда; о том, что ни у кого ничего нет собственного, но и ребёнок твой, и твоё тело, да и сама-то душа оттуда пришла; о том, что все признание; о том, что всякий жив только в настоящем и только его теряет.

27. Упорно показывать себе тех, кто сверх меры роптал на что-нибудь; тех, кто дошел до верха в великих успехах, несчастьях, ненависти или другой какой-нибудь судьбе. Затем посмотреть: теперь где все это? дым да зола, слова, а то и не слова. Пусть и всякое такое подумается, вроде как Фабий Катуллин в деревне, Лузий Луп в садах, Стертиний в Байях, и Тиберий на Капри, и Велий Руф и вообще всякое небезразличие из пустых мнений; и как недорого стоит вся эта напряженность, и насколько достойнее философа при данной вещественности являть себя просто справедливым, здравомысленным, следующим богу. Потому что нет хуже, чем ослепление, неослепительно ослепленное.

28. Любопытствующим: «где ты богов видел и откуда взял, что существуют они, чтобы так их почитать?» Ну, во-первых, и глазами можно их видеть. Кроме того, я и души своей не видал, а ведь чту же её. Так и с богами: в чем вновь и вновь испытываю силу их, чрез то постигаю, что они существуют, и вот благоговею.

29. Спасение жизни — всякую вещь рассматривать вполне, что она есть и что в ней вещественное, а что причинное. И от всей души поступать справедливо и правдиво говорить. Что остается, кроме как вкусить жизни человека, связующего одно благое деяние с другим так, чтобы и малейшего зазора между ними не оставалось?

30. Един свет солнца, хоть и загораживают его стены, горы, тысячи других вещей. Едино общее естество, хоть и перегорожено

тысячами качественно различных тел. Единая душа, хоть и на тысячи разгорожена пород и особых черт. Единая разумная душа, хоть и кажется, что разделена. Так вот, одна часть упомянутого, как дыхание и предметы, бесчувственны и не расположены друг к другу, но даже и в них есть ум и тяготение к одному и тому же. А уж разумная тяга возникает особенно к единоплеменному, и установившись, не преграждается общестрастие.

31. Ну что ты ищешь: жить долее? или ощущать? устремляться? вырасти? и вновь перестать? разговаривать? раздумывать? Что тебе тут кажется достойным грусти, чтобы тосковать о нем? Если же порознь презирать все это легко, то напоследок подойди к тому, чтобы следовать разуму и богу. Но противоречит такому почитанию досада, что вот из-за смерти лишишься всего этого.

32. Какая доля беспредельной и зияющей вечности уделена судьбой каждому, раз так скоро она исчезает в вечности? А целого естества какая часть и какая от души в целом? От целой земли на каком клочке ты бродишь? Подумай обо всем этом и считай только то великим, чтобы поступать, как ведет тебя твоя природа, а что общая природа приносит, то сносить.

33. Как распоряжается собой ведущее? Ведь в этом все. А остальное, либо оно по твоему выбору, либо без выбора — мертвое, дым.

34. Презрение к смерти сильно подкрепляется тем, что и те, кто считает наслаждение благом, а боль злом, смерть все-таки презирали.

35. Кому своевременность — единственное благо, для кого равно, совершить ли больше деяний сообразно с прямым разумом или же меньше; кому безразлично, созерцать ли мир большее или меньшее время, тому не страшна и смерть.

36. Человек! Ты был гражданин этого великого града. Неужели безразлично тебе, что не пять лет, раз сообразие с законом у всех равно? Что же тут страшного, если тебя высылают из города не деспот, не судья неправедный, но введшая тебя природа? Словно комедианта отзывает с подмостков занявшийся им претор. «Но я же сыграл не все пять частей, три только». — Превосходно; значит в твоей жизни всего три действия. Потому что свершения определяет тот, кто прежде был причиной соединения, а теперь распадаения, и не в тебе причина как

того, так и другого. Так уходи же кротко, ведь и тот, кто тебя отзывает, кроток.

Содержание

[Марк Аврелий Антонин Размышления](#)

[Предисловие к первому изданию](#)

[Предисловие ко второму изданию](#)

[Первая книга](#)

[Вторая книга](#)

[Третья книга](#)

[Четвёртая книга](#)

[Пятая книга](#)

[Шестая книга](#)

[Седьмая книга](#)

[Восьмая книга](#)

[Девятая книга](#)

[Десятая книга](#)

[Одиннадцатая книга](#)

[Двенадцатая книга](#)